

А. И. НИКИФОРОВ

О ФОЛЬКЛОРНОМ РЕПЕРТУАРЕ XII—XVIII вв.

**НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», «ЗАДОНЩИНЫ»,
«ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ», ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ,
АЗОВСКИХ ПОВЕСТЕЙ И ДРУГИХ ПАМЯТНИКОВ**

Публикация С. Н. Азбелева

Публикуемый материал представляет собой окончание второй главы ненапечатанного труда А. И. Никифорова (помещенные ниже разделы № 1—5 соответствуют ее разделам № 16—20).¹ Полное издание этой работы составило бы 80 авторских листов. Завершенное сорок лет назад исследование А. И. Никифорова — крупного советского фольклориста — устарело лишь в некоторых своих разделах. Преимущественно это относится к экскурсам в области, где автор не был специалистом, но куда его принуждала вторгнуться забота о рассмотрении темы во всех ее существенных аспектах. Центральная мысль А. И. Никифорова состоит в том, что «Слово о полку Игоре» — памятник устного эпоса XII в. Трактую шире, чем это делается обычно, термин «былина», А. И. Никифоров писал: «Пересмотр круга основных проблем „Слова“ в свете широкой исторической базы и близкого ему органически фольклорного русско-украинско-белорусского материала приводит к признанию, что „Слово о полку Игоре“ и было создано, и существовало не как факт литературы, а как произведение устной народной поэзии, как чистейшая былина XII в. — творчество не киевского литератора, а народного певца-сказителя. Попытки частичного сближения „Слова“ с фольклором в науке проходят непрерывно, но придание решающего значения фольклору в деле выяснения всего „Слова“ и перенесение его из сферы литературы в область

---

¹ Небольшое извлечение из предшествующей части той же главы было напечатано недавно: *Никифоров А. И.* Фольклор и «Слово о погибели Руския земли». Публикация С. Н. Азбелева. — В кн.: Из истории русской фольклористики. Л., 1978, с. 189—198. Текст, публикуемый теперь, находится в Рукописном отделе ИРЛИ — разр. V, кол. 120, № 1, л. 262—340.

фольклорного творчества — основной тезис и задача настоящей диссертации».² А. И. Никифоров защитил ее в Ленинградском университете за месяц до начала Великой Отечественной войны, а через год погиб в блокированном Ленинграде.

Составитель фундаментального обзора работ, посвященных «Слову о полку Игореве», писал об исследовании А. И. Никифорова: «К сожалению, в связи со смертью автора, весь этот громадный труд в печати не появился, тогда как для этого есть достаточно оснований: автор прорабатывал многие вопросы очень глубоко, и, как бы ни относиться к его изучением и выводам, им в диссертации собраны и опубликованы громадные материалы и по изучению „Слова“, и по изучению других произведений, близких к нему в том или ином отношении («Задонщина», «Моление Даниила Заточника», былины и т. д.).»³

Для самого А. И. Никифорова «отправной точкой в новом подходе к „Слову“ является наличие в нем одного из видов былинного ритма», что позволило разложить текст памятника «на правильный речитативно-сказовый одноопорный стих», сближающий «Слово» как с русскими былинами, так и с украинскими думами. А. И. Никифоров писал, что «историческое существование указанного ритма „Слова“ документируется» текстами, «сохранившимися в виде отрывков в „Повести временных лет“ (нач. XII в.), в „Слове о погибели Русской земли“ (XIII в.), в „Задонщинах“ (XIV—XVII вв.) и в записях былин с XVIII в. (Кирша) до XIX—XX вв.».

Разносторонне рассматривая «Слово», А. И. Никифоров посвятил одну из глав анализу эпитетов. Он выясняет, что половина эпитетов «Слова» неизвестна литературе, что по составу эпитетов оно близко именно былинам. Сопоставляя в этом отношении «Слово» и «Моление Даниила Заточника», А. И. Никифоров выявляет устнопоэтический в целом характер эпитетов первого памятника в противоположность книжному — во втором. «Вопреки мнению В. Н. Перетца, — писал А. И. Никифоров, — эпитеты „Слова о полку Игореве“ — чисто фольклорное явление, а не литературное».

Другая глава посвящена образам «Слова о полку Игореве». А. И. Никифоров утверждает «исключительную близость, иногда тождественность этой образности „Слова“ с былинами, думами, с песнями колядскими, свадебными и лирическими русских, украинцев и белорусов. Весь круг этой образности: образы рамки, природы — соучастницы событий, природы — символа действий героев, образы врагов, дремлющего войска, готовности к бою, самого боя, победы, поражения, сна, плачей, мифологических су-

---

² Здесь и ниже я цитирую выпущенные отдельным изданием в небольшом числе экземпляров «Тезисы докторской диссертации А. И. Никифорова «Слово о полку Игореве — былина XII века» (26 мая 1941 года)» [б. м., б. г.]. Из самой диссертации при жизни автора была опубликована только первая глава (Никифоров А. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве». — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1940, т. IV, вып. 2).

³ Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955, с. 373.

ществ и даже исторических лиц и фактов, а также техника построения образов „Слова“ — область фольклорная, а не литературная».

А. И. Никифоров заново пересмотрел выдвигавшиеся до его работы предположения относительно литературных источников и прямых литературных связей «Слова» с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия, библейскими книгами, «Девгениевым деянием», «Словом о Лазаре», летописями, воинскими повестями и другими произведениями древнерусской литературы. Он пришел к выводу о «полной фактической ошибочности и методологической несостоятельности» этих предположений. Он заключает, что «„Слово о полку Игореве“ и его автор-певец не обнаруживают следов книжной образованности и прямой связи с литературными источниками». Дополнительным подтверждением такого вывода оказались результаты наблюдений А. И. Никифорова над лексикой «Слова» и «Задонщины», над языком и стилем «Слова».

В главе, посвященной композиции «Слова о полку Игореве», А. И. Никифоров в результате сопоставлений с фольклористическими записями приходит к выводу, что «композиция „Слова“ уяснима вполне только на фоне понимания композиции украинских дум и русских былин».

Согласно выводам А. И. Никифорова, «Слово» «было создано народным певцом при дворе князя Игоря Северского осенью 1185 года». В отдельной главе исследователь попытался «собрать в целостную картину разрозненные пока сведения о состоянии фольклора, его большой художественной высоте и общественной значимости в Киевской Руси X—XIII вв.»; это «приводит к признанию, что создание „Слова“ в среде народных певцов той эпохи было вполне закономерным актом». Завершив исследование резкой полемикой против работ А. Мазона, А. И. Никифоров дает в приложении тексты «Слова о полку Игореве», «Слова о гибели Русских земли», «Задонщины» (по разным спискам) и некоторых других рассмотренных им памятников — в своем прочтении, с разбивкой на стихи, а также словарь к «Слову» и «Задонщине».

Вторая глава труда А. И. Никифорова называется «Проблема вариантов и судьбы „Слова“». Основное ее содержание сам исследователь характеризовал таким образом: «Признание былинной структуры „Слова о полку Игореве“ обязывает по-новому взглянуть на связь „Слова“ с целой серией памятников древнерусской литературы. Изучение этих памятников приводит к положению, что „Задонщины“ есть не что иное, как поздние записи или литературные рецепции народных былин о Куликовской битве 1380 года, возникших в свою очередь как простое народное приспособление былины — „Слово о полку Игореве“, дожившей в фольклорном бытовании в виде особой краткой редакции до XIV в., к новым историческим событиям (...). В сохранившемся материале рукописей XV—XVII вв. имеются основания различать по меньшей мере три варианта (редакции) былин — „Задонщин“: белозерскую, ростовско-vlадимирскую и московскую, каждую со своей особой идейно-политической тенденцией и особой судьбой и в фольклоре, и в литературном использовании в „Сказаниях о Мамаевом побоище“, в былинах и повестях об Азове в XVII в. и т. д. Эта линия связей не оставляет сомнения в том, что „Слово о полку Игореве“ жило с конца XII по XVIII в. весьма бурной и интенсивной

жизнью и вовсе не представляет того блестящего одиночества и загадочности, каким наделила „Слово“ литературоведческая наука. Вместе с тем правильное освещение истории и судьбы „Задонщин“ в ретроспективном аспекте служит в свою очередь подкреплением тезиса о фольклорности самого „Слова о полку Игореве“.

Основная часть этой главы как раз и посвящена изучению различных текстов «Задонщины» в сравнении со «Словом о полку Игореве», а частично со «Сказанием о Мамаевом побоище» и некоторыми другими памятниками. В этих сопоставлениях довольно существенную роль играет текстологический аспект, порой недостаточно учитывавшийся А. И. Никифоровым.⁴ Обширная литература о «Задонщине», накопившаяся после работы А. И. Никифорова, не лишила актуальности его основные наблюдения.

Публикуемый здесь текст идет сразу после того, как А. И. Никифоров закончил специальный разговор о «Задонщине». После кратких соображений об извлекаемых из самой «Задонщины» дополнительных данных относительно устного оригинала, дошедшего в Мусин-Пушкинской рукописи текста, А. И. Никифоров прослеживает фольклорные реминисценции «Слова о полку Игореве», обращаясь к ряду других памятников. Это так называемые Азовские повести XVII—XVIII вв., приписка на рукописи «Апостола» 1307 г., один из пассажей «Моления Даниила Заточника», фрагмент «Жития Александра Невского», отрывок Псковской летописи, рассказ о походе Игоря в Ипатьевской летописи, параллель к «Слову» в Галицко-Волынской летописи, «Повесть о разорении Рязани Батыем», один из фрагментов «Повести временных лет», песни, записанные для Ричарда Джемса, «Сказание о киевских богатырях», былины в записях и пересказах XVII в., песня, включенная в Сибирскую летопись, былины так называемого «татарского цикла» в недавних записях, некоторые из исторических песен XVIII в. (я перечислил материал в той последовательности, в какой его рассматривает сам А. И. Никифоров; в ходе этого рассмотрения он иногда отсылает читателя к другим главам своей работы, пока не напечатанным).

Хотя каждый из названных памятников изучался и после смерти А. И. Никифорова, его наблюдения не утратили своего интереса. В совокупности они как бы характеризуют многовековой «сегмент» фольклорного репертуара, который в течение длительного времени был, согласно выводам А. И. Никифорова, так или иначе связан текстуально со «Словом о полку Игореве».

При подготовке текста к изданию были сверены и уточнены цитаты и ссылки, раскрыты в необходимых случаях сокращения, устранено несколько мелких стилистических недосмотров, в подстрочных примечаниях сделаны необходимые дополнения, тексту дано заглавие. Подчеркнутые автором места в основном тексте переданы разрядкой, в цитатах — курсивом. В цитатах всюду сохранены выставленные А. И. Никифоровым знаки

⁴ Подробнее см.: *Азбелев С. Н.* Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией. — В кн.: *Источниковедение отечественной истории.* М., 1976, с. 163—190.

ударения и принадлежащее ему употребление заглавных букв; «ъ» в конце слов опущен, заменены отсутствующие в современном алфавите буквы.

Цитаты из трех главных письменных источников труда А. И. Никифорова даются (без библиографических ссылок) по следующим изданиям: *Перегц В.* Слово о полку Игоревѣ. Київ, 1926; *Адрианова-Перегц В. П.* Задонщина. — Тр. Отд. древнерусской лит-ры. М.; Л., 1948, т. VI; Слово о погибели Рускыя земли. Сообщ. Х. Лопарев. СПб., 1892. Цитируя изданные тексты «Задонщины», А. И. Никифоров употребляет сокращения: *К* — Кирилло-Белозерская рукопись XV в., *У* — рукопись XVII в. из собрания Ундольского, *С* — рукопись XVII в. из Сиподального собрания, *Р* — рукописи Музейского собрания.

Другие сокращения, используемые в работе: Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I. М.; Л., 1949; ГИМ — Гос. Исторический музей (Москва), Отдел рукописей; ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), Отдел рукописей; Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862, вып. IV; М., 1872, вып. IX; ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР, архив; ПСРЛ — Полное собрание русских летописей; Смирнов, II — *Смирнов А.* О Слове о полку Игореве. Воронеж, 1879, вып. II; Снегирев — Поведание и Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Изд. И. Снегирев. — Русский исторический сборник. М., 1838, т. III.

1

Я не могу закончить рассмотрение проблемы вариантов «Слова о полку Игореве», не попытавшись извлечь кое-что для самого текста этой замечательной былины в редакции XII в., т. е. в Мусин-Пушкинском издании. Я считаю себя вправе вернуться к этому тексту после разбора «Задонщин» потому, что мы получаем в руки еще одно методическое средство проверить по крайней мере некоторые места текста «Слова о полку Игореве» по позднейшим его вариантам, т. е. по «Задонщинам». Ведь теперь совершенно очевидно — раз «Задонщины» есть только варианты «Слова о полку Игореве», то в них могут содержаться, пусть крохи, но небезынтересные и для текста первичной основы. Словом я позволю себе выписать ряд мест, с последующим их анализом.

«Слово»

Боян бо вѣщій <...>
Боян же, брѣтне <...>

«Задонщины»

Той бо вѣщій Боян. (К)

Это подтверждение краткого 5- и 6-сложного стиха в «Слове о полку Игореве».

Который дотечаше,
Та преди песнь пояше

Пояше славу русским¹ княземъ:
Первому князю Рюрику

¹ В рукописи даже на «и» стоит ударение (см.: *Симоны П.* Задонщины. Пг., 1922, снимок II).

Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Иже зареза Редюю
Пред пълкы касбжьским. . .

Игорю Рюриковичю
И Святославу Ярославичю
Ярославу Володимеровичю. (К)
(в У и С похоже)

Здесь мы имеем в «Задонщинах» точное доказательство того, что и в «Слове о полку Игореве» это место должно было иметь *дактилические* окончания, т. е. последние слоги его в тех случаях, где конечное слово не давало дактилического конца, растягивались напевно. Это наблюдение настолько важное для понимания строения стиха самого «Слова о полку Игореве», что я приведу далее и другие аналогичные случаи.

«Слово»

«Задонщины»

Иже пстягну умь крепостию
своею

Поостриша сердца свои мѹжеству
Ставшє своею крѣпостью. (К)

И поостри сердца своего
мѹжеством.

Истезавше ум свой крепкою
крѣпостью
И поостриша сердца свои
мужеством. (У)

Истежавше умы свои крѣпостю
И поостри сердце свое
мѹжеством. (С)

Здесь опять, очевидно, в «Слове о полку Игореве» или было растяжение: «крепостию своею», или надо предполагать перестановку, согласно спискам *К*, *У*, *С*: своею крѣпостию.

Свивая славы,
Оба полы сего времени.

Пой славу великому. (К)
Воспой славу великому. (У)
Посмрти ко славному городу
Москви. (С)

Комментаторы здесь читали «славию». Мне кажется, что в «Слове о полку Игореве» надо читать не «славы» и не «славию», а «славою», обращение к соловью уже дано дважды, нет оснований для третьего обращения.

К характеристике курян список *С* дает очень любопытное добавление: «С каленых стрел воспоены». Мне кажется, это не выдумка позднейшего певца, а несомненно одно из разночтений древнего текста, который должен был читаться так:

А мои ти куряни
Сведоми кмети:
Под трубами повити
Под шеломы взлеяены
Конец копия вскормленн
С каленых стрел воспоены.

«Задонщина» *К* дает здесь «С востраго меча поены». Это подтверждает наличие варианта в «Слове», хотя лишает возможности

точного выбора. Оба варианта одинаково хороши и, вероятно, бытовали параллельно.²

Чръна земля под копыты
Костьми была посеяна,
А кровью пбляна,

Тогда поля костьми насбяны,
Кровьми поляно.
Воды възпшпа... (К)

Тугою въздбша
По Руской земли.

Черна земля под копыты,
А костми татарскими поля насеяша
А кровью их земля пролїта
бысть. (У)

Черная земля под копытами
Под костми татарскими
Носити кровю земля. (С)

Замена «копыты» «копытами» доказывает, что и здесь мы должны в «Слове о полку Игореве» предполагать дактилическое окончание, т. е. растяжение.

А чи диво ся, брѣтие,
Стару помолодїти?

Того даже было нелепо
Стару помолодїтися. (К)

И в то время стару надобно
помблодети. (У)

И рече: «Добре тут, брате, стару
помолодети». (С)

Опять имеем доказательство дактилического окончания, что могло быть достигнуто растяжением: «помолодїити» или «помолодїити».

Уже бо беды его
Пасеть птицѣ по дубїю

А уже беды их пасоша
Птицы крылати под облак летят. (У)

Таким образом, «Задонщина» подтверждает смущавшее многих чтение «беды его». Это чтение, правда, уже указывалось не-

² Здесь не могу не выразить своего крайнего изумления по поводу реплики о данном месте «Задонщин» у проф. Н. К. Гудзия. Он пишет: «Как нетрудно видеть, автор „Задонщины“ в своем стремлении подражать стилистике „Слова о полку Игореве“ пользуется такими образами, которые, в сущности говоря, даже не оправданы с точки зрения смысловой. В самом деле, как можно поить кого-нибудь с острого меча? Но красочность сравнений „Слова о полку Игореве“ настолько увлекает автора „Задонщины“, что он не всегда разбирается в смысловом их значении» (Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938, с. 223). Н. К. Гудзий не заметил, что если так понимать «смысловую» сторону «Слова», то тот же упрек в «бессмыслице» придется направить и автору «Слова о полку Игореве». В самом деле, а как можно кого-нибудь поить под трубами, лелеять под шлемами, кормить концом копья? Как можно летать под облаком и т. д.? Реплика Н. К. Гудзия потому заслуживает внимания, что она показывает типичный и в большинстве случаев ошибочно-однобокий метод подхода литературоведов к «Задонщинам», метод гиперкритики, не оправданный ни в какой мере материалом, а часто к тому же лишенный художественного чутья.

однократно,³ однако оснований для принятия у исследователей не было, теперь мы можем принять его под контролем «Задонщины» У. То же можно сказать и о строке «Слова»: «То растекашется мыслию по древу» (пример из «Задонщины» У дает полное право принять «мыслию», а не «мысью», как думали многие).

Пожалуй, это и все, что можно при строгом отношении прибавить к пониманию отдельных мест текста «Слова о полку Игореве» на основе текстов «Задонщин». Я бы добавил интересный случай явного растяжения в «Задонщине» К:

Пояше славу русскыимъ княземь.

Однако при всей скромности выводов они дают опору весьма важному положению, выдвинутому мною в первой главе. Я думаю, что теперь сомневаться в том, что дактилическое окончание стихов «Слова о полку Игореве» было господствующим и что в случаях недостачи третьего слога за ударным происходило растяжение ударного или удлинение конечного слога, не приходится. Таким образом, я признаю доказанным факт музыкально-напевного исполнения «Слова о полку Игореве» в XII в.

Добавлю, что у нас есть все основания думать, что упоминания «Задонщин» о песенном с музыкальным сопровождением исполнении их, отражают живую действительность. Гусли и гуслияры, kobzari и бандуристы, как известно, донесли песенное исполнение дум на Украине до наших дней. Я указал на очевидность связи украинских дум с былинно-эпической традицией в XIV в. В одной из следующих глав я покажу и текстовую связь образов «Слова о полку Игореве» с украинскими думами. Все это, по-моему, заставляет допустить, что и «Задонщины», и уж во всяком случае «Слово о полку Игореве» исполнялось под аккомпанемент музыкального инструмента, вероятно, гуслей или кобзы. Музыкальное исполнение эпоса на Украине — факт с XV по XX в. Музыкальное исполнение эпоса в Москве и центральных частях России в XV—XVIII вв. доказывают, по-моему, прямые ссылки на это «Задонщины». Таким образом, потерю современной былиною ее аккомпанемента, вероятно, надо отнести на наш Север, где, однако, потеряв аккомпанемент инструмента, былина сохранила ее напевное исполнение до наших дней.

Наконец, последнее замечание. Признавая действие растяжения окончания стихов в «Слове о полку Игореве», наблюдая то же в украинских думах и русских былинах, я не вижу серьезных препятствий к допущению такого же растяжения и при исполнении «Задонщин» в XIV—XVII вв. Но, не будучи музыковедом, я вынужден эту интересную, чисто музыкально-ритмическую проблему оставить специалистам музыковедам.

³ См.: *Перець В.* Слово о полку Игоревім. Київ, 1926, с. 176.

Я уже указал, что открытие устно-былинного характера «Задонщин» ставит на пересмотр всю сложную проблему о мамаевских повестях и сказаниях. Но не подлежит сомнению также и то, что это открытие поднимает и еще сложнейшую проблему так называемых Азовских повестей. И хотя Азовские повести имеют самостоятельное значение в древней русской литературе,⁴ связь их со «Словом о полку Игореве» указывалась давно и белло проанализирована еще в работе А. Смирнова.⁵ Я не имею в виду усложнять свою книгу поднятием целиком вопроса об Азовских повестях, но сделать несколько замечаний считаю необходимым для проблемы «Слова о полку Игореве».

Об азовских событиях мы имеем, по данным акад. А. С. Орлова, следующие памятники: 1) «Историческая повесть об Азовском взятии 1637 г.»; 2) «Документальная повесть об Азовском сидении 1641 года»; 3) «Поэтическая повесть об Азовском сидении» в виде четырех редакций; 4) «Сказочные повести об Азове» в двух редакциях; 5) «Особая повесть об Азове». Все эти памятники по рукописям датируются XVII и XVIII вв. и представляют собою тексты или возникшие скоро вслед за событиями, или значительно позднее.

С другой стороны, о тех же событиях мы имеем значительное число чисто фольклорных произведений: песни и сказки. Например, украинские и русские песни о взятии Азова хитростью и былина на тот же сюжет (Гильфердинг, № 37).⁶

Акад. А. С. Орлов довольно удачно распутал в своих работах рукописные взаимоотношения отдельных литературных повестей об Азове. Можно не подвергать сомнению литературного характера всех пяти намеченных им видов повестей. Но, к сожалению, внутреннее изучение этих памятников осталось незаконченным. За изданием текстов не последовало исследования повестей.

Однако уже факт существования былин, песен и сказок на тему об азовских событиях доказывает существование широких фольклорных откликов на события. Голословное, не подтвержденное доказательствами утверждение А. С. Орлова в предисловии

⁴ Орлов А. С. 1) Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906; 2) Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906; 3) Особая повесть об Азове. М., 1907; Буслаев Ф. Русская хрестоматия. М., 1870, с. 274—289; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1910, т. III, с. 249—277. Проверка работы А. С. Орлова с интересными исправлениями ее см. в новой статье: Сутт Н. И. Повести об Азове. — Учен. зап. кафедры русской литературы Московского гос. пед. ин-та, 1939, вып. II, с. 3—67.

⁵ Смирнов А. О Слове о полку Игореве. Воронеж, 1879, вып. II, с. 183—188.

⁶ Рассмотрены частично А. С. Орловым («Сказочные повести об Азове»). Ср. его же: Песня и повесть об Азове (Старина и новизна. М., 1905, кн. X, с. 274—282, 591); Сказки и притчи, записанные в Шадринском уезде А. Зыряновым (Пермский сборник. М., 1860, кн. II, отд. 2, с. 162—163).

к его изданию текстов в 1906 г., устанавливающее якобы «позднейшие, частью устные переделки поэтических повестей об Азовском сидении»⁷ не звучат достаточно убедительно. Попытка анализа песен того же А. С. Орлова в другой книге⁸ также не приносит никаких решений из-за схематичности, почти библиографического характера анализов, а главное — из-за полной неразъясненности источников и процесса сложения самих литературных повестей об Азове. Другими словами, имея в работах А. С. Орлова в значительной степени собранный библиографически и частично изданный материал Азовских повестей, мы стоим перед нетронутой проблемой их формирования в XVII в.

Проблема эта, однако, представляет первостепенный интерес уже потому, что в основе многих редакций Азовских литературных повестей несомненно лежат устно-былинные источники, к сожалению, не замеченные А. С. Орловым. Ошибочная уверенность литературоведов в невозможности черпания литераторами древней письменности из устных древнерусских фольклорных источников и здесь, как в «Слове о полку Игореве», как в «Слове о гибели Русской земли» и в «Задонщинах» не позволяли разглядеть фольклорную основу повестей.

В самом деле, прочитывая тексты Азовских повестей, мы встречаем места былинного склада.

Уже в «Исторической повести об Азовском взятии 1637 г.» имеется следующее место:

Сколько де вам, казаком, под городом Азовом ни стоят,
А нашего де вам Азова не взят.
Бывало де вас казаков под Азовом градом не такая сила,
А Азову де погибли не было.
Сколько де в Азове в стенах каменья,
И столько де ваших голов казачих под ним погибло.⁹

Но в первой редакции «Поэтической повести об Азовском сидении» мы имеем замечательные куски текста, былинные по стихосложению и стилю.

Все наши поля чистые
Орды нагайскими изнасеяны (*вар.*: заняли орды нягайския)
Где у нас была степь чистая,
Тут стала у нас однем часом людми их многими
Что великие леса темныя (*вар.*: Как есть силшы темные
леса непроходимые).

От силы их многия и от уристанья их конского
Земля у нас под Азовом потреслася и погнулася,
И из реки у нас из Дону вода на береги выступила
От таких великих тягостей,
И из мест своих вода на луги пошла.¹⁰

⁷ Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове, с. 1.

⁸ Орлов А. Сказочные повести об Азове, с. 51 и сл.

⁹ Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове, с. 59 (разбивка на стихи А. И. Никифорова, — С. А.).

¹⁰ Там же, с. 98.

И почали у них в полках их быти
Трубли великия и писки страшныя
В трубы их турецкия и немецкия
Несказанными страшными неизреченными
Голосы бусорманскими...¹¹
Ни в каких странах ратных
Таких людей не видали мы.
И не слыхано про такую рать от веку...¹²

Речь турецкого посла к казакам лучше сохраняет народный стих во второй редакции поэтической повести:

О люди божии царя небесного
Никим вы в пустынях водимыи или посылаемп,
Яко орлы паряшеи
Без страха по воздуху летаете,
Аки лвы свирепыя в пустынях рыкаете,
Казачество донское волное, свирепое,
Соседе наши ближняя,
Непостоянныя нравы, лукавыя
Пустынный жители, разбойницы непощадныи!
Не сыти ваши очи,
Не полныя ваши чрева,
Кому приносите вы такыя обиди великия
И страшныя грубости.
Наступили вы на такую десницу высокую
На царя турскаго
Не впрямь вы еще на Руси
Богатыри святоруския нарицаетес.
Где вы тепере можете
Утеч от руки ево такыя.
И прогневали вы Мурат салтано
Величество царя турскаго —
Убили вы у него слугу его верного
Посла турскаго Фому Кутузина,
А с ним побили вы всех армен и гречен
А послал он к царю вашему.
И да вы же взяли любимую
Ево цареву отчину,
Красной и славной Азов град.
Напали вы на него, аки волцы гладныя
Не пощадили вы в нем никакова мужеска возраста,
Побили вы всех до единого
И тем вы на себя положили
Имя звериное... и т. д.¹³

В ответе казаков туркам есть место:

И давно у нас в полях наших летаючи,
Грают враны черныя,
Воют волки серыя,
А вас ожидаючи
Хлехчут орлы сизыя
Подле Дону славнаго

¹¹ Там же, с. 98—99.

¹² Там же, с. 100.

¹³ Там же, с. 132—133.

У нас всегда воют звери дивии
Ожидаячи вашего труба бусурманского...¹⁴

Замечательна молитва казаков с небольшими отличиями по редакциям:

Простите государи все патриархи вселенские
Простите государи все митрополиты и архиепископы
И архимандриты, и игумены,
Простите государи мнишеския, затворьники и затворници,
Простите государи все протопопы и священники и дяконы,
Простите государи православные крестьяня,
Помените государи наши души грешныя
Со всеми родители.
На позор мы учинили государству московьскому.
Простите нас леса темная и дубравы зеленныя.
Простите нас поля чистые и тихия заводи.
Прости нас море черное,
Прости нас государь наш тихий Дон Иванович,
Уже нам по тебе атаману нашему,
Э грозным войским не ездить,
Дикова зверя в чистом поле не стреливат,
В тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать.¹⁵

В третьей редакции «Поэтической повести» есть выражения прямо былинные:

А то мы молотцы и сами ведаем,
Што збирался ваш турской царь за морем
На нас молотцов под Азов город ровно по три года
А на четвертый год прислал к нам
Свою рать силу великую
Розных всяких земел
И мудрых наемныхъ неметцких людей
Приступных и подкопных вымышленников
Изо многих земел...¹⁶

И то вашему царю турскому
Не честь ему будет и не хвала его...¹⁷

Клехчут у нас орлы сизые,
Давно ужа грают враны черные,
Блехщут у нас по Дону Ивановичю лисицы бурые,
Воют в займищах волки серые,
А все то ожидаючи вашего побитаго
Мертваго сабачья трупа бусурманского...¹⁸

Толко мы, молотцы, разыгралися,
Толко мы де еще оружие свое молодетцкое прочистили.
Ради мы, молотцы, нас, сабак, потчиватьъ
Чем у нас в Азове городе Бог послал...¹⁹

¹⁴ Там же, с. 108.

¹⁵ Там же, с. 153.

¹⁶ Там же, с. 189.

¹⁷ Там же, с. 189.

¹⁸ Там же, с. 191.

¹⁹ Там же, с. 194.

Протечет наша слава казачья век и по веку
И будет наша слава молодетцкая,
Как нас бог помилует да отсидимся
От таких вашей болшия силы бусорменския
Такими своими малыми людьми...

Замечательна концовка третьей редакции:

И пошли наши туретцкие
Во свои улусы заморские
С великим позорищем и стыдом
К царю своему туретцкому.
А нам молотцам
Слава наша молодетцкая
Протекла с тиха Дону
И до синя моря Азбвскаго,
И протекла наша слава казачья
Век и по веку
Во все их орды бусорманские
Многие розных земель
Нам казакам дивовались,
Што мы молотцы
Сидели стол смело
Такими своими малыми людьми
От болших их бусорманских сил,
И после того мы молотцы
Собралися во свой казачей молодетцкой крут
Отредили себе гонцов скорых, лехких молотцов,
К Москве государю и ко своим товарищам
На славной свой на тихой Дон Ивановичь.
И съгехалися мы молотцы
Все к нам пригехали
Посещати всю нашу дружинишку хоробрую.
Туту у нас жа было с молотцами
От радости не могли мы бедные
Друг друга против слова отдат
Во злезях своих горучихь напаметовали
Свое горкое осадное сидение
Тогда протекла наша слава молодетцкая
Век и по веку,
А им всем собакам позорище великое.
Посем мы молотцы забыли
Все свое житие горкое и печалное,
Почали поило пити молодетцая
Про здравие царское
И про свою братью товарищев,
Забыв свою печал горкую.
Нам слава молотцам на веки.²⁰

В «Сказочной повести 7135 года» имеются между прочими такие места:

Казак же реша к пашам:
— За живых мы сребра возем,
А за мертвых не возем.

---

²⁰ Там же, с. 202.

То не честь и не хвала молодецкая,
Что мертвыми торговати...²¹

Есаул Иван Зыбин в плену дерзко по-былинному отвечает царю турецкому:

— Великни царю Брагиме,
Ты глаголаше, что многия головы
Нами побиты добря.
Аще бы ты сам царь был,
Я бы тебе право не уступил
И снал бы голову по твои могучна плеча
И взоткнул на свое вострое копье
И разбросил тело твое по чистому полю...²²

В прощание казаков с патриархами и т. д. вставлены стихи:

Уже бо нам казакам
По синему морю Хвалынскому
В лехких стругах не бывать
И в зеленя дубравы не гуливать...²³

Конечно, соблазнительная и увлекательная задача была бы продолжить этот анализ Азовских повестей по линии восстановления их отдельных былинных источников. Однако решение этой задачи отвлекло бы меня от основной цели. Приведенные же примеры показывают, по-моему, с несомненностью, что не случайно А. С. Орлов назвал повести об Азове «поэтическими». Они в основе своей построены на существовавших до повестей *былинах о казачьих подвигах в Азове*. После установленной былинно-песенной основы «Задонщин» не оставляет сомнения такой же характер *основного* источника по меньшей мере «Поэтической повести об Азовском сидении». Один из ранних исследователей «Слова о полку Игореве» А. Смирнов указал на знакомство автора «Истории об Азовском сидении» «с народными былинами» (Смирнов, II, 183), а Е. В. Барсов еще определеннее назвал эту фольклорную основу. В 1887 г. он писал: «Сказание об осадном Азовском сидении, в народной его редакции, гораздо ближе стоит к „Слову о полку Игореве“ внутренней своей стороной, чем даже „Задонщины“. „Слово“ относится к нему так же, как к богатырской былине киевского цикла. Сущность сказания об Азовском сидении составляет богатырство героев Северной Руси, их молодчество, их честь и слава. По своей внешней форме оно есть пересказ исторического факта совершенно в былинном духе и дышет такою же эпическою непосредственностью, той же свободой и ширью в изображении внутренних богатырских сил. Дух киевской дружинной Руси сказывается здесь с такою же яркостью, как и в бо-

²¹ Орлов А. Сказочные повести об Азове, с. 260.

²² Там же, с. 262.

²³ Там же, с. 267.

гатырской былине: нравственные черты героев те же, что и в киевских богатырях: вот почему, говорим мы, это сказание стоит ближе к „Слову“, чем даже „Задонщины“, так тяготеющие к его букве, вот почему встречаем здесь образы и выражения, сходные с „Словом“; в языке его, как и в самом содержании, звучит для нас народное предание так же Киевской дружинной Руси. Если в „Задонщине“ — это предание слабо, понятие чести и славы, важнейший жизненный нерв Киевской дружинной Руси онемел, — то в образе защитников Азова еще раз прозвучало рыцарское эхо и бьется этот нерв с такою же силою, как и в былине „Слове“.

Непосредственность, свобода и широта народного слова и представления сказываются в первых же строках этого сказания. Былинный склад — очевиден.²⁴

Приведенная цитата показывает тонкость понимания и полную правоту Барсова. Если он не вполне понимал народно-эпический характер «Задонщин», хотя тексты *К* и *У* называл «поэмами», то в отношении Азовских повестей он был совершенно прав.

Былинный склад основы этих повестей действительно очевиден даже из приведенных выше цитат. Помимо былинных размеров этих отрывков, за то же говорит употребление былинных эпитетов («поля чистые», «красной и славный Азов град», «волки серые», «орлы сизые», «Дону славнаго»), целых былинных образов и оборотов («рать-силу великую», «не честь ему будет и не хвала», «дружинушку хоробрую», «слава молодецкая», «тихий Дон Иванович», «богатыри святорусские») и т. д. Это дает основание трем выводам.

Первый вывод, что так называемые Азовские повести составляют продукт творчества той же демократической линии в древнерусской литературе XVII и XVIII в., которая создавала и «Сказания о Мамаевом побоище», подтверждая существование довольно широкого размаха в деятельности этой линии начиная с XIV по XIX в. Основной чертой этой литературной линии была тяга к фольклору, была увязка с непосредственным живым творчеством народных масс. Так «Сказания о Мамаевом побоище» опирались на «Задонщины», так Азовские повести опирались на Азовские былины.

Второй вывод, что азовские события 1637 и 1641 г., подобно ранее Куликовской битве, породили народные былины, «старинны» об этих событиях. В свете этого вывода представляют большой интерес, конечно, и остатки былин об Азове вроде охарактеризованных выше, и украинские, и русские народные песни об Азове (и даже Степане Разине, поскольку последние перекрещиваются в бытовании с первыми, на что указал еще акад. А. С. Орлов). Однако вопрос о связи этих песен с литературными повестями должен быть еще поставлен, и утверждение акад. А. С. Орлова об их

²⁴ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве. М., 1887, т. I, с. 454—455.

позднем возникновении из литературных повестей нуждается в весьма серьезной проверке.

Наконец, третий, для моего исследования самый важный вывод состоит в том, что намечавшаяся рядом исследователей связь «Слова о полку Игореве» с Азовскими повестями, теперь получает несомненно более понятное, естественное и правильное объяснение. «Слово о полку Игореве» связано не непосредственно с азовскими повестями, а с былинным источником последних — с былинами об Азове. Связь «Слова о полку Игореве» с Азовскими повестями не литературная, а фольклорная. Остановимся на этом подробнее.

Еще А. Смирнов, подобравший важнейшие параллели между «Словом о полку Игореве» и Азовскими повестями и также отметивший связь Азовских повестей «с народными былинами» (II, 183), указал: «Что же касается знакомства автора (повести об Азове, — А. Н.) с „Словом о полку Игореве“, то оно едва ли было непосредственное» (II, 183). В качестве посредника А. Смирнов считает «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище». Теперь мы знаем, что «Задонщины» есть только новая редакция «Слова о полку Игореве». Тем интереснее проверить эту связь.

Я считаю возможным привести параллели, указанные А. Смирновым, переведя его тексты на издание акад. А. С. Орлова, к ним прибавлю несколько дополнительных параллелей, отмеченных мною при просмотре Азовских повестей.

Азовские повести

«Задонщины»

1) Все наши поля чистые Орды ногайскими изнасяны... От силы их многия и от уристанья их конского Земля у нас под Азовом потреслася и погнулас И из реки у нас из Дону вода на береги выступила От таких великих тягостей И из мест своих вода на луги пошла... (Орлов А. Ист. и поэт. п., с. 98)	А трупми татарскими поля насяяша И кровию их реки протекли (Зад. У) В то же время тутошния реки мутно пошли... вострепетали лузи и болота, езера выступиша из мест своих (Сказание. Смирнов II, 184) Поле же Куликово перегибающяся, Вострепеташа лузи и болота, Реки же и озера выступиша из мест своих (Снегирев, 49)
2) И почали у них в полках их быти... Трубли великия и писки страшныя В трубы их турецкия и немецкия. (с. 98—99)	Громко в варганы бьют, тихо с поволокою ратныя трубы трубят (Сказание. Смирнов II, 184)
3) Как есть стала гроза великая Над нами страшная,	На том поле сильныи тучи ступишася

Бутто гром велик и молния
страшная
От то облака бывает с небеси.
(с. 99)

А из них часто сияли молыньи
И загремели громы величьи
(Зад. У)

4) Ужасно слышати сердцу
всякому
Их бусурманская трубля.
(с. 99—100)

Грозно и жалостно в то время
бьяша тогда слышати
(Сказание, Смирнов II, 185)

5) И то вамь туркомь вашим давно
ведомо.
(с. 105)

Ведомо нам, брате, у быстрого
Дону
Царь Мамай пришел на Рускую
землю
(Зад. У)

6) И давно у нас в полях наших
летаючи,
Грают враны черные, воют
волки серыя,
А вас ожидаючи, хлекчут орлы
сизыя,
Подле Дону славнаго у нас
всегда
Воют звери дивии ожидаючи
Вашего труба бусурманского

Птицы крылати под облак летят
Вороны часто грают,
А галицы своею речью говорят
Орли хлекчют,
А волцы грозно воют
А лисицы на костех бряшут...
(Зад. У)

(с. 108 с перестановками и вариантами по списку, причём в варианте есть: По горам у нас бряшут лисицы бурья а все то скликаючи).

7) Преж сего накормили мы
их головами вашими
Как Азов взяли,
А топерво вам от нас опять
хочется товож,
Чтоб плоти вашае мы тех зверей
накормили
И то вам будет по прежнему.
(с. 108)

Но едины вороны грают
Трупи ради человеческия грозно
и жалостно
(Зад. У)

8) Ради мы молотцы вас собак
потчиват.
(с. 194)

Нешто тебя князи руские горазно
подчивали.
(Зад. У)

9) Не быват уж нам на святой
Руси.
(с. 113)

Уже нам, брате, в земли своей
не бывать
И детей своих не видать,
А в Русь ратю нам не хаживать.
(Зад. У)

в варианте добавлено:
«Не видат нам бедным на
Москве
Благочестива государя царя
нашего
Ево государьские царьские очи
И не бывать нам молотцам
по прежнему
На своем на тихом Дону,
Не видатца ужа нам будет

Э друзьями *своими* и с товарищи
и з братьями
То перво нам молотцам *не быват*
На Черном море и не гуливат
И отсталися от своея дружины
хоробрые
(с. 113, примеч. 12)

10) Смерть наша грешная
в пустынях
За ваши иконы чудотворныя
За веру христианьскую
За имя государское
(с. 113, вар.:
За имя царское
За все государство московское).

11) От нашея руки малыя
И от казачества волного
Срамота стала вечная
От всех земель от царей
и от королей.
А нашему атаману Науму
Васильеву
Всем грозным воцким *слава*
вечная.
(с. 155)

К этим параллелям, указанным А. Смирновым, я добавлю еще отмеченные мною:

12) Ни в каких странах ратных
Таких людей не видали мы
И *не слыхано* про такую рать
от веку.
(с. 100)

13) *Уже нам* по тебе атаману
нашему
З грозным войским не ездить
Дикова зверя в чистом поле
не стреливать,
В тихом Дону Ивановиче рыбы
не лавливать.
(с. 153)

14) *Гордому* ему бусурману царю
турскому
И папам ево бог противится
За ево такія слова высокия.
(с. 136)

15) Сказывается он богом вышним
И в титлах он босурман *своим*
безумием пишегца.
(с. 136)

И положили есте головы своя
За святыя церькви, за землю
за Рускую
И *за веру крестьянскую.*
(Зад. У)

Вознесся *слава* руская по всей
земли,
А на поганых татар
Промчесья злых бусорманов хула
и пагуба.
(Зад. У)

То было в ты *рати* и в ты плькы
А сицеи рати *не слышано.*
(Слово о полку Игореве)

Уже нам, брате, в земли своей
не бывать
А детей своих не видать
И в Русь ратью нам не хажпвать.
(Зад. У)

Гордому богу *противится*
А смиренному дает благодат.
(Зад. С)

Задениши нас *своим* *безумием*,
Якож *пишет* во причах.
(Зад. С)

16) Слава наша молодетцкая
Протекла с тиха Дону
Во все их орды бусорманские
Многие *розных земель*
Нам казакам дивовалися.

(с. 202)

Весть подаваша
По рожнымь землям,
За Волгу, к железнымь вратомь.

(Зад. К)

17) *На главах жа на их*
Все шишаки и шоломы *златые,*
Яко звезды на главах их
Сияних в руках кипят,
Яко свечи в руках горят.

(с. 193)

Шоломы на главах их златом
украшены
Аки утреня зоря во время
ведрына солнца свегащеся,
Ловцы же шоломов их
Аки пламя огнено пашется

(Снегирев, 42)

Из приведенных 17 параллелей несомненно, что 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 15, 16, т. е. большая часть, не являются сами по себе показателями прямой связи Азовской поэтической повести с «Задонщинами». Они могут быть просто общими местами былинного стиля.

На более глубокую связь Азовских повестей с «Задонщинами» указывают примеры 1, 6 и 14, да и то пример 14 мог быть занесен, как распространенная цитата, независимо.

Примеры 7, 13 дают всего лишь параллелизм образов.

Едва ли не самым любопытным, однако, является пример 12 непосредственной связи Азовской повести со «Словом о полку Игореве». Трудно сомневаться, что Азовская повесть дает устный перифраз текста «Слова о полку Игореве», причем характерно, что этого места нет ни в одном из известных нам списков «Задонщин». В свете этого факта я считаю возможным принять и другие две мелкие параллели Азовских повестей со «Словом», указанные Смирновым: «Дон Иванович» по типу «Днепр Словутич» и выражения «крепкия и жестокия казачьи сердца ваша», «видите вы и сами очима своима» (Смирнов, II, 183—184). Сюда же нужно отнести также часть примера 1 и пример 17, которые дают параллели к Азовским повестям не из известных «Задонщин», а из неизвестных, легших в основу «Сказаний о Мамаевом побоище».

Все это вместе взятое приводит, по-моему, к следующим выводам.

1. Число и характер параллелей между поэтической повестью и «Задонщинами» не дает никаких оснований для признания литературной связи между этими памятниками.

2. Связь эта должна быть отнесена за счет связи с «Задонщинами» былин об Азове, которые легли в основу, «поэтической повести об Азовском сидении», а вероятно, и других Азовских повестей. О том же говорят и примеры параллелей в Азовских повестях непосредственно со «Словом о полку Игореве», не имеющих в известных «Задонщинах». Очевидно, былины об Азове,

сохраняя в отдельных частях текста большую близость с «Задонщинами» известными, стояли в то же время ближе к «Слову о полку Игореве», чем известные «Задонщины».

3. Существование былин об Азове, созданных не ранее середины XVII в. и включивших в себя влияния былин-«Задонщин», т. е. «Слова о полку Игореве» в редакции XIV—XVII вв., служит и обратным подтверждением фольклорного характера «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», а также факта их живого бытования в XVII и XVIII вв. Широкое отражение следов «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» в таких литературных памятниках, как «Сказания о Мамаевом побоище» и Азовские повести служит лишним доказательством их актуальности и живого бытования по меньшей мере в XVII и XVIII вв., при том не только в прямом и главном русле — былин о Куликовской битве, — но еще и в побочном русле — былин и песен об Азовских событиях.

Самое восстановление текста былин об Азовских событиях и изучение процесса их создания и жизни мне представляется очередной, интереснейшей и вполне возможной задачей изучения, которая, однако, выпадает из рамок моего прямого исследования.

3

Чтобы закончить вопрос о судьбе «Слова о полку Игореве», мне остается рассмотреть еще те реминисценции и отражения «Слова», которые отмечены разными исследователями в различных памятниках древнерусской литературы. Этот обзор облегчается тем, что свodka его дана в книге акад. В. Н. Перетца.²⁵ Свою задачу я понимаю только как поправки к литературоведческой интерпретации этих реминисценций, делавшейся до сих пор.

1. Неоднократно цитировавшаяся запись на Апостоле 1307 г. б. Моск. Синод. библ. гласит: «В лето 6815... сии же апостол книги вда святому Пантелеймону Изосим игумен сего же монастыря. Сего же лета бысть бой на Русьской земли, Михаил с Юрьем о княжене Новгородское. При сих князях сеяшется и рожь усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы, и веци скороташася человеком».

Никакого сомнения, конечно, в том, что это — отражение «Слова о полку Игореве» нет. Олег Гориславич заменен «при сих князях», «жизнь Дажь-божа внука» — «жизнь наша», вм. слова «крамолы» употреблено «которы», т. е. его эквивалент. И весь характер цитаты свидетельствует о записи по памяти общеизвестного для той эпохи ходячего изречения. Поэтому замечание В. Н. Перетца, что эти отличия может быть «объясняются тем, что текст „Слова“, который был известен в 1307 г. переписчику

²⁵ Перетц В. Слово... § 5.

Апостола, отличался от нашего»,²⁶ конечно, излишне. Можно ли вообще думать, что переписчик Апостола 1307 г., делая приписку на переписанной книге, справлялся с подлинным литературным текстом «Слова о полку Игореве»? Такое предположение неестественно, невозможно и ненужно. Запись на Апостоле есть грустная философическая вставка — размышление переписчика, — облеченная в форму пословицы из народной ходячей былины.

Зато я не могу не подчеркнуть никем не отмеченной идеологической ценности этой цитаты на Апостоле 1307 г. Усобицы князей до такой степени были на глазах у населения, до такой степени угнетали, что о них ходили поговорки, пословицы, что те места «Слова о полку Игореве», которые были созвучны этим настроениям, превращались в поговорки, которые не стеснялись записывать на богослужебных книгах. Этот факт вскрывает ту идеологическую почву, которая питала в XIII и начале XIV в. популярность народной былины о полку Игореве, которая поддерживала ее бытование. Эта почва популярности, очевидно, была минорная и далеко не панегирическая для князей. А если это наблюдение верно, то оно подтверждает косвенно еще раз выставленное выше положение о существовании и бытовании в XIV в. не старой полной панегирической былины о полку Игореве, а именно более краткой и более минорной и печальной, притом именно демократической, народной. Такова идеологическая значимость приписки на Апостоле 1307 г.

Но она ценна и методологически, так как указывает, по-моему, с несомненностью, что основной путь отражений «Слова о полку Игореве» и в других позднейших литературных памятниках — путь не литературный, а устный, это — путь устных реминисценций и вставок по памяти из народно-былинных вариантов Слова.

II. Именно такой характер устной реминисценции надо признать далее за пословицей «суда де божия ни хитру уму, ни горазну не минути» в Молении Даниила Заточника, правда, в позднем лишь списке XVII в. В древнейших текстах Моления этой цитаты нет.²⁷ Это уже сильно подрывает кредит литературной связи двух памятников. Мы скорей должны видеть в этом тексте бытовавшую от XII до XVII в. народную пословицу, вошедшую и в «Слово» и в Моление независимо, притом довольно поздно. Но даже присоединяясь к общему голосу исследователей о заимствовании этой цитаты из «Слова о полку Игореве», на основании всего характера коротенького и искажающего ту же Боянову поговорку текста, мы можем говорить только о вставке в Моление этой поговорки *по памяти*, и, возможно, что даже из былины. Конечно, поэтому у нас нет никаких осно-

²⁶ Там же, с. 38.

²⁷ См.: Слово Даниила Заточника. Пригот. к печ. Н. Н. Зарубин. Л., 1932.

ваний разницу между текстом пословицы в Молении и в «Слове о полку Игореве» относить к «особым спискам» «Слова», как это делает акад. В. Н. Перетц.²⁸ Эта разница чисто фольклорная, устно-народная.²⁹

III. Еще менее вероятно вообще связь со «Словом о полку Игореве» Жития князя Александра Невского в редакции псковского священника Василия (XVI в.). В качестве параллели приводится одно место на все довольно обширное Житие: «и мужне святого князя Александра исполнишася духом ратным, бяху же сердца их яко сердца львом, и глаголаша ко святому: О княже наш честный и драгий, ныне приспе время нам положити главы своя за тя...».³⁰ Мне кажется, здесь обычные стилистические шаблоны повестей. Но даже допуская заимствование из «Слова», мы можем видеть здесь только заимствование по памяти, т. е. устным путем. Надо припомнить, что та же формула «наполнишася духом ратным» встретила и в «Повести о новгородцах».³¹ Таким образом, наличие трех случаев употребления формулы явно указывает на стилистический шаблон, вероятно возможный и в фольклоре.

IV. Гораздо более интересен случай реминисценции «Слова о полку Игореве» в описании битвы под Оршею в Псковской первой летописи. Причем здесь приходится удивляться, как исследователи не отметили сохранения в отрывке былинно-ритмического строя.

Вот этот отрывок:

Бысть побоище велие
Москвичем с Литвою
Под градом под Оршею,
И воскричаша и возопиша жены бршанки
На трубы Московския.
И слышати было стуку и грому великому
Межу москвичь и Литвою;
И удариша москвичи на Литву,
Русские князи и бояре
С дивными удалцы рускими сыны (в ркп.: сыноами)
На сильную рать литовскую
И треснули копя московския,
И гремят мечи булатныя
О шеломы литовския.
На поли Оршинском
И бысть непособие божие москвичам.³²

²⁸ Перетц В. Слово..., с. 41.

²⁹ Ниже, в главе об образах «Слова», я предлагаю свое объяснение различия в тексте этой пословицы у «Слова» и Моления.

³⁰ Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития. М., 1915, тексты, с. 130; Перетц В. Слово..., с. 39. Другие совпадения, отмеченные у Е. В. Барсова (Слово, т. I, с. 432—433) должны быть отнесены на счет народных элементов в словаре автора Жития.

³¹ Об этой «Повести» специально речь идет в одном из предыдущих разделов труда А. И. Никифорова (С. А.).

³² ПСРЛ, СПб., 1848, т. IV, с. 290 (Ср.: Перетц В. Слово..., с. 38). Текст помещен под 1514 г. в Псковской первой летописи.

Даже если моя реконструкция стиха в этом отрывке не во всем безупречна, ибо летописец мог стих местами попортить, то все же былинный характер всего отрывка не подлежит сомнению. Повторение в третьем стихе «Под градом под Оршею», повторение начального «и» в стихах 12 и 13 и употребление выражения «мечи булатные» показывают явно фольклорный характер всего текста.

А. Смирнов полагал, что связь этого отрывка со «Словом о полку Игореве» не непосредственная, а через «Задонщину». Акад. В. Н. Перетц возражал против этого посредства, находя, что Псковская летопись пользовалась «Словом о полку Игореве» непосредственно, но «возможно, в несколько ином тексте, чем тот, который мы имеем».³³ В этом необходимо разобраться точнее.

С «Задонщинами» связывают наш отрывок следующие совпадения.

Стих 1: слово «побоище» находит прямое соответствие в «Задонщине» У: «А от Калатския рати до Момаева побоища».

Стих 4: «возопиша жены оршанки» — К: «Взопаша избнении от поганых».

Стих 6: «И слышати было стуку и грому великому» — К: Быти стуку и грому велику; У: «Быти стуку великому». В «Слове о полку Игореве»: «Быти грому великому».

Стихи 9—11 несомненно, кроме совпадений отдельных выражений с «Задонщинами», и в целом близки именно к ним:

*Русские князи и бояре
С дивными удалцы рускимп сыны
На сильную рать литовскую.*

*Стучит сильная рать
Великаго князя
Ивана Дмитриевича
Гремять удалцы. (К)
На рускаго господина князя. (К)*

Сравним: У — Удалые Литвы, храбрых удалцов; Гремят удалцы руские значеными доспехи; То ти ступишася руские удалцы; И сседша удалцы з добрых коней; С — Храбрых панов, а сильных удалцах; Гремят руская удалцы; А богатыри, руския удалцы; Изседоша удалцы из борздых коней.

Термин «русские удалцы» уже типичен для «Задонщины» и совсем отсутствует в «Слове о полку Игореве».

Стихи 13—14 есть буквальное повторение шаблона боя из «Задонщины» У, где он повторен 4 раза.

*И гремят мечи булатныя
О шеломя литовския.*

*Возгремели мечи булатные
О шеломя хиновские (трижды)
И гремят мечи булатные
О шеломя хиновские.*

Наконец, стих 15: «На поле Оршанском», конечно, полное соответствие «Задонщинам», в которых много раз повторяется формула «На поле Куликове, на речке Непрядне».

³³ Перетц В. Слово... , с. 39.

Мне кажется, приведенные параллели убеждают в том, что Псковская первая летопись знала не «Слово о полку Игореве» в древней редакции, а, как справедливо отметил А. Смирнов, именно «Задонщины» и пользовалась текстом одной из былин-«Задонщин».

Однако акад. В. Н. Перетц справедливо указал, что стих 12: «треснули копыя московския» и слово «непособие» в стихе 16 не отмечены в «Задонщинах» и ближе к «Слову о полку Игореве», где читаем: «трещат копия харалужныя», «княже, ми не пособие». Но уже сам В. Н. Перетц отметил в так называемом «Поведании» (т. е. в разновидности «Задонщин») «треснуша копия харалужныя». Следовательно, мы можем принять, что летописец Псковской первой летописи просто имел вариант устной «Задонщины», более близкий к «Слову о полку Игореве» в двух мелких чтениях.

Таким образом, анализ псковской летописной цитаты о битве под Оршей представляет, во-первых, явное доказательство нелитературных источников этой цитаты в летописи: ритм, образы, лексика — все в ней фольклорное; во-вторых, новое косвенное доказательство устно-народного характера «Задонщин», а следовательно, и «Слова о полку Игореве»; в-третьих, новое косвенное доказательство большой популярности былин-«Задонщин» в XVI в., и, в-четвертых, что для нас особенно ценно, прекрасный образец летописного использования фольклорного источника. Если летописи наши не гнушались такого источника в XVI в., то тем более вправе мы предполагать его использования в более раннюю эпоху. Так намечается более правильный и новый методологический путь чтения событий Игорева похода в Ипатьевской летописи, к каковой и переходжу.

V. Текст Ипатьевской летописи, относящийся к походу Игоря, подвергался оценке всеми исследователями, писавшими о «Слове о полку Игореве». Подробный анализ дал еще в 1878 г. И. П. Хрущов,³⁴ а затем сводку господствующей точки зрения дал в 1926 г. акад. В. Н. Перетц. Эта господствующая точка зрения сводится, во-первых, к тому, что автор «Слова о полку Игореве» не мог пользоваться в качестве источника текстом летописи, и, во-вторых, что «Слово» «несомненно знал автор Киевской летописи, который писал события 1184—1187 гг. и в нескольких местах повторил близко и план „Слова“, а иногда и выражения». Впрочем, приводя примеры этих выражений, акад. В. Перетц в конце очерка высказывается более осторожно: «Остается допустить, что или „Слово“ и летопись имели общий источник, или что „Слово“, уже как письменный памятник, могло повлиять на автора летописного рассказа 1185 г. Последнее допущение, по моему мнению, более правдоподобно».³⁵

³⁴ Хрущов И. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878, с. 196—204.

³⁵ Перетц В. Слово... с. 36—37.

Проверяя на основании вышеприведенного изучения «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» этот господствующий взгляд на рассказ о походе Игоря в Ипатьевской летописи и вчитываясь заново в этот рассказ, я вынужден выдвинуть несколько иной взгляд и на текст Ипатьевской летописи.

Что автор «Слова о полку Игореве» не пользовался летописным источником, это положение бесспорное. Еще А. Лонгинов в 1892 г. совершенно правильно писал: «Если бы возникал вопрос: отозвалось ли на складе и составе нашего „Слова“ влияние летописи, то мы имели бы более данных к отрицательному его решению. Приемы пересказа, группировка былин и самый язык повести о походе Игоря не носит на себе ни малейших следов заимствования из летописи или подражания летописцу. Да иначе и быть не могло, ибо первый свод летописный составлен при Мономахе игуменом Сильвестром лишь во втором десятилетии XII в., следовательно, списки его не могли быть очень распространены в 1185 г.»³⁶

От себя добавлю, что летописный текст дает такие целые эпизоды, как ранение Игоря, как бессильное наблюдение им боя брата Всеволода с половцами, как большая покаянная речь Игоря и т. д., которыми не мог бы не воспользоваться автор «Слова», если бы он знал летопись. Не говорю уже о полном различии слога обоих памятников. Но после того как я установил, что «Слово» есть былина XII в., ясно, что ни о каком заимствовании или влиянии на него летописного сказания и речи быть не может. Повторяю, это положение не подлежит сомнению и новая попытка опровергнуть его³⁷ лишена убедительности.

Посмотрим теперь, можно ли согласиться с обратным положением, что текст Ипатьевской летописи знал «Слово о полку Игореве» и пользовался им как источником.

На примере заимствования Псковской летописи из «Задонщины» мы видели, что единственный правильный и убедительный прием решения вопроса в положительную сторону — нахождение или ритмических частей текста в летописной прозе, или буквальных совпадений доказательного объема и качества. По отношению к Ипатьевской летописи этот метод приобретает силу едва ли не единственного. Ибо если литераторы XVI, XVII и XVIII вв., попадая под обаяние поэтической силы «Слова о полку Игореве», в «Сказании о Мамаевом побоище», в Псковской летописи или ранее, в приписке на Апостоле 1307 г., не в силах были удержаться от цитации текста «Слова» иногда значительными кусками, можем ли мы допустить, что летописец, писавший

---

³⁶ Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, с. 25—26.

³⁷ Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве». — Изв. ОРЯС, Л., 1926, т. XXXI, с. 137—158.

как раз о событиях Игорева похода, не включил бы ни одного отрывка из «Слова», если бы он его знал. Я считаю это невозможным. Если бы составитель описания Игорева похода в Ипатьевской летописи знал «Слово», он непременно включил бы такие цитаты или переложения из него, которые легко обнаружили бы себя в летописном тексте. Между тем при всем желании найти такие параллели к «Слову» я ничего не мог найти ни со стороны ритмической, ни со стороны текстовой. Уже это соображение, по-моему, доказывает, что Ипатьевская летопись не знала и не пользовалась «Словом». Но для большего доказательства я разберу приводимые исследователями параллели в пользу знакомства Ипатьевской летописи со «Словом».

Приводятся следующие.

а. Сходство плана летописного рассказа со «Словом». Этот аргумент на деле есть явное недоразумение. Ибо сходство планов идет не дальше сходства фактической канвы исторических событий, лежащей в основе обоих памятников. Схематически план «Слова о полку Игореве» мною приведен выше,³⁸ поэтому повторять его не буду. «Слово» начинается с похвал Бояна князьям, чего нет в летописи, затем следует фактический ход событий: сборы в поход, затмение, встреча с половцами, удачный бой, второй приход половцев — это есть в летописи, но затем обращение певца к Всеволоду, его характеристика, воспоминание о князьях Олеге, Владимире, Ярославе и т. д., т. е. эпизоды, которых нет в летописи; после поражения русских, общего летописи и «Слову», в последнем идет «Золотое слово Святослава», которому с большой натяжкой можно приписать параллель в коротенькой речи летописного Святослава; далее в «Слове» укоры князей в крамолах, призывы к ряду князей помочь Игорю и плач Ярославны, которые вовсе отсутствуют в летописном рассказе. Сходство канвы событий, независимо определяющее единство опорных точек развертывания обоих рассказов, отнюдь не говорит о сходстве их литературного плана. Буквально ни одного характерного примера такого литературного параллелизма в планах двух памятников указать нельзя.

б. Места якобы текстового сходства летописного рассказа со «Словом»:

Ипатьевская летопись

Игорь же возрев на небо и виде солнце стояще яко месяц и рече бояром своим и дружине своей: «Видите ли что есть знамение се?»

..Игорь же рече: «Братя и дружино!» тайны божия никто же не весть...

«Слово о полку Игореве»

*Тогда Игорь вьзрев
На светлое солнце
И виде от него тьмоу
Вся своя воя прикрыты,
И рече Игорь к дружине своей:*

*«Братие и дружино!
Луце ж бы потягү быти,
Неже полоненү быти...*

³⁸ ИРЛИ, отд. рукописей, разр. V, кол. 120, № 1, л. 144 (С. А.).

Игорь же рече с братьею своею: «Оже ны будеть не бившиися возворотитися, то сором ны будеть пущице смерти; но како ны бог дасть».³⁹

Хощу главу свою приложити,
А любо испити
Шеломомь Дону.

Приводится далее короткая речь Святослава в Ипатьевской летописи: «Святослав же то слышав и вельми воздохнув, утер слез своих и рече: „О любя моя братья и сынове и муже земле Руское; дал ми бог притомити поганяя, нъ, не воздержавше унести, отвориша ворота на Русьскую землю“». Но ведь здесь ни одного слова сходства со «Словом» нет. И странно, как можно сопоставлять этот отрывок с замечательным «золотым словом Святослава». Наконец, указываются отдельные слова и выражения вроде: «бысть скорбь и туга люта», «и бысть у них котора» «и остуши город». Вот буквально все, что приводится в пользу влияния «Слова» на летопись.⁴⁰ Но ведь слова «туга», «скорбь» и «котора» сами по себе отнюдь не могут служить доказательством заимствования, ибо они ходячие слова и в литературе и в быту древней Руси, как это видно хотя бы из словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. Пример второй речи Игоря вовсе не сходен со «Словом», а в первом обращении сходство падает на ремарки, т. е. на шаблонные, трафаретные слова и выражения, свойственные всем памятникам и устной речи. Достаточно посмотреть словарь Е. Барсова.⁴¹

Несколько шире, но не успешнее, попытался обставить примерами эту связь «Слова» и летописного текста, как сказано, А. И. Лященко. Но его аргументация также лишена убедительности. С одной стороны, в дополнение к параллелям мнимого сходства текстов А. Лященко приводит еще несколько слов, общих «Слову» и Ипатьевскому рассказу о походе Игоря (слова: «далече», «бишася», «падоша», «не доста», «остушиша», «молвит», «ради»). Но такое сближение отдельных ходячих слов еще не доказывает влияние памятников друг на друга. Методически это утверждение по меньшей мере неосторожное. С другой стороны, А. И. Лященко указал на несколько общих выражений у «Слова о полку Игореве» с Ипатьевской летописью вообще («а лепо ны», «любо ся голову положити перед вами», «земля стукну» и еще немного сомнительных), но такое сходство (как показано мною ниже в гл. V) объясняется в самой летописи проникновением в ее стиль элементов народного живого языка и, следовательно, тоже не может служить доказательством непосредственной связи текста Ипатьевской летописи и «Слова».

Таким образом, ни малейших признаков доказательного сходства или параллелей в текстах летописного рассказа и

³⁹ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, с. 431.

⁴⁰ *Перетц В.* Слово... с. 36—37.

⁴¹ *Барсов Е.* Слово о полку Игореве. М., 1890, т. III.

«Слова», по-моему, вовсе нет. Единственное место во всем летописном рассказе, заслуживающее в нашем анализе серьезного внимания, следующее: «И тако, во день святаго воскресения, наведе на *ня* господь гнев свой, в радости место наведе на *ны* плачь и во веселья место желю, на реце Каялы». Это место, во-первых, удивляет различием местоимений: после правильного в повествовательном рассказе 3 л. мн. числа «на ня» вдруг входит несогласованное 1 л. мн. числа «на ны»; кроме того, во второй половине этого текста ощущается явно пословичный ритм:

В радости место наведе на ны плачь
И во веселья место желю
На реце Каялы.

Мне кажется, в Ипатьевской летописи мы можем видеть в этом тексте вставку ходячей и, вероятно, популярной в то время пословицы, которая автором рассказа вставлена механически без согласования с окружающим текстом.

То, что это место в летописном рассказе носит характер «лирического отступления», заметил еще Барсов. В «Слове о полку Игореве» Каяла упоминается несколько раз: «с тоя же Каялы Святополк повелея отца своего», «ту ся саблям потручяти о шелома Половецкыя на реце на Каяле у Дону великаго», «ту ся брата разлучиста на берегу быстрой Каялы», «иже погрузи жир во дне Каялы реки половецкыя», «на реце на Каяле тьма свет покрыла». Несомненно прав Е. В. Барсов, который утверждает: «Наблюдая за употреблением „реки Каялы“ в самом „Слове“, мы приходим к решительному убеждению, что и здесь имя Каялы имеет лишь символическое, а не географическое значение».⁴² Я думаю, трудно оспаривать это положение, а из него вытекает с несомненностью, что певец «Слова о полку Игореве» (даже если река Каяла географически и существовала) употреблял реку Каялу как привычное поговорочное выражение.

После сказанного ясно, что при отсутствии сходства контекстов летописного рассказа и «Слова» в употреблении реки Каялы мы можем говорить только о независимом проникновении этого выражения в оба памятника. Подтверждением пословичного употребления этого образа служит употребление его у князя Курбского⁴³ и в списке У «Задонщины» в самом ее начале:

⁴² Барсов Е. Слово... т. III, с. 354.

⁴³ В. Л. Комаровичу я обязан указанием на это упоминание р. Каялы у А. М. Курбского. В «Истории о великом князе Московском» Курбский говорит о русских войсках: «и не токмо кони русских сынов во Азии с текущих рек напишася, с Танаиса и Куалы и з прочих, но и грады тамо поставишася» (Русская историческая библиотека. СПб., 1914, т. XXXI, с. 173—174). В ряде списков на полях дано объяснение, что «Куала же исмаилским языком глаголется, а словенски Медведица». Н. Г. Устрялов, однако, комментирует Куалу иначе: «речь идет о Каяле, прославленной

Нахождение этого отрывка в начальной части говорит о бытовании его в былинах Калкского цикла именно в пословичном употреблении.

Таким образом, считаю доказанным, что рассказ об Игоровом походе в Ипатьевской летописи не знал «Слова о полку Игореве» и не пользовался им как источником, и первоначальную точку зрения К. Н. Бестужева-Рюмина, что «ни сказание не служило источником „Слова“, ни — наоборот»,⁴⁴ я считаю единственно правильной. А этот вывод приводит нас к интереснейшим выводам и о «Слове о полку Игореве».

1. Если составитель Ипатьевской летописи не знал и не использовал «Слова», значит в годы составления этого рассказа «Слова» не было популярно в письменном виде.⁴⁵ Если бы оно было в значительном числе списков, летописец как литератор не мог бы не знать и не привлечь важного и популярного литературного источника, т. е. мы получаем новое косвенное подтверждение нелитературного бытования «Слова о полку Игореве» еще в конце XII—XIII вв. (акад. А. Орлов доказывает, что ранняя часть Ипатьевской летописи составлена в начале XIII в.).

2. Если составитель Ипатьевской летописи не знал «Слова», значит оно даже в устном бытовании в эту эпоху не имело еще очень широкого распространения и известности. В противном случае летопись использовала бы устную популярную песнь. Этот вывод естествен. Новая былина, составленная по установившемуся в науке мнению в 1180-е годы, требовала времени для широкого массового распространения и, может быть, новых исторических поводов для широкого бытования. Только позднее Калкский разгром Киевщины создавал почву для такой популярности «Слова», т. е. эпоху массовой популярности «Слова» должно как будто относить на время после 1224 г.⁴⁶

3. То, что именно Киевские летописи (Ипатьевский, Хлебниковский, Погодинский, Ермолинский списки) не знали и не использовали «Слова», косвенно подтверждает большую связь его с новгород-северским двором князя Игоря, а не с киевским князем Святославом. Киевские писцы летописей не могли бы пройти

певцом Игоря (ныне Кагальник)». (Сказания князя Курбского, СПб., 1833, ч. 1, с. 239). Таким образом, «История» Курбского как будто подтверждает географический характер названия Каялы. Однако у Курбского она названа в поговорочном смысле.

⁴⁴ *Бестужев-Рюмин К.* О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1863, с. 115.

⁴⁵ Оно было записано в XII в. и где-то хранилось в этой случайной записи (см. дальше, гл. VII).

⁴⁶ О датировке Слова я выскажу свои соображения дальше в главе VII.

мимо такого блестящего и художественного источника у них под руками, даже если он был устный.

4. Если прав акад. А. С. Орлов⁴⁷ (он датирует составление Ипатьевской летописи концом XIII—началом XIV в., а первую ее часть, включающую рассказ о походе Игоря, началом XIII в. (1214—1219 гг.)), то мы можем сказать, что «Слово о полку Игореве» в начале XIII в. еще не имело особенно широкой популярности, такой, например, какую оно приобретает после разгрома Руси татарами.

5. Факт существования поговорок о печальной реке Каляле, возникших, вероятно, очень скоро после неудачного похода Игоря, а может быть, и раньше, по какому-нибудь иному поводу, свидетельствует, что и рассказ Ипатьевской летописи и «Слово» созданы очень близко к событиям похода Игоря, когда они были у всех на языке и в памяти.

6. Наконец, факт независимости обоих памятников представляет огромный интерес для проверки исторической осведомленности автора «Слова о полку Игореве» (о которой мне придется говорить в четвертой и седьмой главах).

V. Следующий момент связи «Слова» с летописями был выдвинут в 1877 г. Вс. Миллером. Он пишет: «Уже было указано некоторыми исследователями родство языка Галицко-Волынской летописи с языком „Слова“. В этой летописи часто находим поэтические сравнения, живо напоминающие „Слово“. Рассказ оживлен и полон картин».⁴⁸ «При чтении некоторых мест летописи невольно чувствуется что-то близкое к „Слову“, невольно припоминаешь подобные же образы и приходишь к предположению, не знаком ли был составитель летописи с этим произведением и не подражал ли ему?».⁴⁹ В доказательство Вс. Миллер приводит отрывок из Галицко-Волынской летописи под 6709, т. е. 1201 годом.⁵⁰ Отрывок этот действительно интересен, но явно не имеет прямой связи со «Словом о полку Игореве» и совершенно правильно устранен акад. В. Перетцем из числа памятников, связанных со «Словом».⁵¹ Выражения, подчеркнутые Вс. Миллером как сходные со «Словом», я приведу с разбивкой на стихи, ибо ритмическая стихия в этих отрывках ощущается на фоне в целом неритмического текста. Вот все случаи этого рода.

... Устремил бо ся бяше на поганыя, яко п лев,
Сердит же бысть яко и рысь,
И губяше яко и крокодил
И прехожаше землю их, яко п орел,
Храбор бо бе яко и тур.

(Взгляд, с. 139)

⁴⁷ Орлов А. К вопросу об Ипатьевской летописи. — Изв. ОРЯС. 1926, т. XXXI, с. 94, 95.

⁴⁸ Миллер В. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, с. 137.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, с. 139.

⁵¹ Перетц В. Слово... , с. 36.

...[Владимир Мономах]
Пил золотым шеломом Дон...

Говоря далее о гудце Ореви, князь Роман велит ему:

...Пой же ему песни половецкня...

Понюхав зелья емшан, князь расплакался и сказал:

Да лучше есть ва своей земле костью лечи,
Нели на чюже славну быти...

О родившемся Кончаке сказано:

Иже снесе Сулу, пѣш ходя
Котел нося на плѣчеву...

(Взгляд, с. 139—140)

Простое знакомство с этими местами показывает, что они текстуально никак не связаны со «Словом», кроме «пил золотым шеломом Дон», которое, однако, не составляет принадлежность одного «Слова», а известно и в других памятниках. Мы можем, а вероятно, и должны в этих отрывках видеть следы использования в летописи фольклора. В частности, сравнения со львом имеются как раз в отрывках былин донских казаков. Так, об Илье говорится:

Накладывал калену стрелу
Его тугой лук как лев ревет,
Каленья его стрелы как змеи свищут

(Былины новой и недавней записи.
Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908, с. 28)

Или в другой былине:

У маей толька чадушки конь как лев рявел

(Там же, с. 292)

В главе VIII я более широко покажу связь киевских летописей с фольклором. Проникая из разных былин и песен, эти образы и создают иллюзию близости текста к «Слову о полку Игореве». Но от этой иллюзии далеко до фактической связи.

VII. Наконец, последний документированный момент исторического бытия «Слова», — это утраченная Мусин-Пушкинская рукопись (по-видимому, XVI в.) записи «Слова». Чем была продиктована эта запись, в настоящее время установить невозможно. Но, принимая во внимание все изложенное, становится понятным случайный характер записи «Слова», и счастливая случайность, сохранившая ее для нас. Оснований предполагать существование многих других списков у нас нет.

VIII. Кроме названных литературных отражений «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», обычно отмечавшихся многими

исследователями, я нахожу возможным прибавить еще один памятник, не привлекавшийся к подобному сравнению.

В поздних летописных сводах и в ряде сборников имеется новая сравнительно с древними летописями «Повесть о приходе Батыевой рати на Рязань». ⁵² Она уже была несколько раз напечатана, ⁵³ но наиболее удовлетворительное сводное издание дано И. И. Срезневским. ⁵⁴

Эта повесть заслуживает внимания с точки зрения анализа источников, о каких-то, насколько знаю, еще не было высказано никаких суждений. Несомненно, что при книжном общем характере этой повести, отдельные участки ее хранят следы контакта с устными преданиями, а весьма возможно даже и с былинами татарского цикла. Вот, например, как излагается известный рассказ о Евпатии Коловрате. По-моему, этот рассказ чисто былинного характера:

И внезапно нападоша на станы Батыевы
И начаша сечи без милости.
И сметоша все полкы татарскыя.
Татарове же сташа яко пьяны.
А ли неистовый Еупатий, тако их бьяше
Яко и мечи притупишася
И емля татарския мечи и сечаше их.
Татарове мняша, яко мертвы восташа.
Еупатий сильныя полкы татарскыя
Проезжая бьяше их нещадно
И езда по полкам татарским храбро и мужественно,
Яко и самому царю побоятся.
И едва поймаша от полку Еупатиева
Пять человек воинских
Изнемогших от великих ран
И приведоша их к царю Батыю
Царь Батый нача вопрошати:
«Коя веры есте вы и коя земли
И что мне много зла творите».
Они же реша: «Веры христианский есве,
Раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго,
А от полку Еупатиева Коловрата,
Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго
Тебя сильна царя почтити
И честно проводитьи,
И честь тебе воздати,
Да не подиви царю, не успевати наливати чашу
На великую силу рать татарскую.
Царь же подивися ответу их мудрому.
И посла шурича своего Хостоврула из Еувпатья
А с ним сильныя полки татарские.

⁵² Впрочем, связь этой повести со «Словом о полку Игореве» отмечал еще Е. В. Барсов (Слово..., т. I, с. 431), но анализа связи не дал.

⁵³ В. М. Ундольским во «Временнике Моск. Об-ва истории и древн. российских», М., 1852, кн. XV, смесь, с. 11—21; в «Русском Временнике», М., 1820, ч. 1, с. 108—126.

⁵⁴ Срезневский И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. — Записки имп. Академии наук, № 2. СПб., 1867, т. XI, прилож. № 52, с. 81—90.

Хостоврул же похвалися прѣд царем
 Хотя Еупатия жива пред царя привести.
И ступишася сильныя полки татарския
 Хотя Еупатия жива яти.
 Хостоврул же съехася с Евпáтием
 Еупатей же исполин си́лою
 И разсече Хостоврула на полы до седла
И начаша сечи силу татарскую,
 Ових на полы пресекоша,
 А иных до седла краяша.
 Татарова возбояшася
 Види Еупатия крепка испóлина.
 И навадиша на него множество пóроков.

(Свед. и зам., с. 87)

Они же рекоша царю:
 «Мы со многими цари во многих землях
 На многих бранях бывали,
 А таких удальцов и рязьцов не видали,
 Ни отцы наши возвестыша нам».

(Там же, с. 87—88)

Царь Батый зря на тело Еупатиево
 И рече: О Коловрате Еупатие
 Гораздо еси меня поскепал
 Малою своею дружиною,
 Да многих богатырей сильной орды побил еси.

(Там же, с. 88)

В этом отрывке былинный характер носит не только самый сюжет поединка двух богатырей и поведения Батыя. Даже если допустить порчу отдельных стихов составителем повести, то все же из-под письменного оформления, мне кажется, довольно ясно видна былинно-стиховая ритмическая основа и отдельные обороты. Таковы, например, повторения упоминания полков татарских («силу рать татарскую»), речи татар и Батыя.

Использование в «Повести о приходе батыевой рати на Рязань» фольклорных источников объясняет некоторые элементы, правда, сравнительно не крупные, контакта «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» с этой повестью. Элементы эти разбросаны по повести главным образом во второй ее части. «Меня поскепал» соответствует «поскепаны саблями калеными» «Слова о полку Игореве». В «Повести о Рязани» есть и другие параллели:

«Повесть о Рязани»

«Слово», «Задонщина»

Лутче нам смертию живота куштити,
 За святыя божия церкви
 И за веру крестьянскую смерти
 вкусити,
 Нежели в поганой воли быти.

(Свед. и зам., с. 83)

Луде ж ны потягу быти,
 Неже полонену быти
 (Слово о полку Игореве)

И положили еста головы своя
 За святы церкви,
 За землю Рускую
 За веру крестьянскую.

(Задонщина У)

И моляся чудотворцу
Николу и сродником своим
Борису и Глебу

(Там же)

И помоляся Богу и Пречистой его
матери
Солнце ему на восток сияет
и путь поведает
А Борис и Глеб молитву воздают
За сродники своя

(Там же)

На великую силу-рать татарскую
(Там же, с. 87)

На рать-силу татарскую
(Там же)

Говоря о побитых русских, «Повесть» сообщает: «Лежаша на земли пуге, на траве ковыле» (Свед. и зам., с. 89), что напоминает «ковылие» плача Ярославны. Наконец, «Повесть о Рязани» в духе «Задонщин» называет русских несколько раз «удальцы и резвцы» (там же, с. 88, с. 89 дважды). Может быть, также не без контакта с «Задонщинами» упоминается в «Повести» и река Воронеж: «Поиде же князь Ингварь Ингоровичь на реку на Воронеж» (с. 90). Ср. в «Сказании о Мамаевом побоище»: «И доиде реки до усть Воронежа».

Приведенные примеры и по числу их и по характеру не дают права говорить о непосредственной литературной зависимости «Повести о разорении Рязани Батыем» от литературных текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщин». Ибо все они могли войти в эти записи независимо. Но факт участия в «Повести о разорении Рязани» фольклорных источников дает совершенно ясное объяснение названной связи. Очевидно, что «повесть о разорении Рязани» писалась с опорой на народные былины типа «Задонщин».⁵⁵

IX. Одним из интереснейших моментов в тексте «Слова о полку Игореве» и его вариаций является загадочной и, насколько знаю, не отмеченный исследователями случай совпадения одного куска «Слова о полку Игореве» и текста «Задонщин» — именно самого путаного и варьирующего — с «Повестью временных лет». В 3-й редакции (по терминологии А. А. Шахматова) «Повести временных лет» под 1111 г. после известного рассказа о битве русских с половцами на реке Сальнице, сообщается:

Якоже и се с Божию помощию,
Молитвами святяга Богородица и святых ангел
Възвратиса русьстий князи
В свояси с славою великою,
Яже к своимъ людемъ
И к всемъ странамъ дальним,
Рекуце к Гръкомъ и Угромъ
И Ляхомъ и Чехомъ
Доже и до Рима прѣиде,

⁵⁵ Если этот вывод верен, то тем самым весьма заметно ослабляется значение «Повести о разорении Рязани Батыем» как исторического источника.

На Славу Богу, вьсьгда ѥ ныне
И присно и в веки векомъ, аминь.⁵⁶

После этой концовки продолжается текст мелких летописных заметок.

Еще И. П. Хрущов отметил, что это место находит аналогию в «Слове о полку Игореве»:

Ту немци и венецици,
Ту греци и морави
Поют славу Святъславлю.

Однако теперь, после изучения «Задонщин», мы можем привести еще более близкие параллели: во-первых, из «Слова о гибели Русския земли»:

Отселе до Угор
И до Ляхов до Чахов
От Чахов до Ятвязи и т. д.

Во-вторых, в «Задонщине» К, когда говорится о славе Донского боя:

Весть подаваша
По рожним землям
За Волгу, к железным вратомъ
К Риму до черемисы,
До чяхов, до ляхов, до Устюга.

Таким образом, и «Слово о полку Игореве» и «Слово о гибели» и старшая «Задонщина» в этом тексте соприкасаются с «Повестью временных лет» 3-й редакции, т. е. 1118 г. У нас нет никаких оснований предполагать опору всех трех памятников на летопись. Такое предположение решительно невозможно. Следовательно, остается допустить существование ходячих песенных шаблонов, общих мест для выражения славы русского оружия по меньшей мере с начала XII в. и до XV в.

Сказание о битве на Сальнице в «Повести временных лет» «было написано отдельно от летописи».⁵⁷ По самому характеру, по обилию чудесного элемента в этом сказании оно очень легко может быть отнесено на счет устных преданий и рассказов — источников летописца. И хотя рассказ о битве при Сальнице переносится большой вставкой из Амартола и Ипполита, но оканчивается он, очевидно, реминисценцией шаблонной — ходячей формулы о границах славы русских князей.

Я не имею в виду отстаивать стиховое изложение этого куска в «Повести временных лет», хотя выше попробовал прощупать

⁵⁶ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, т. I, с. 345.

⁵⁷ Хрущов И. О древнерусских исторических повестях и сказаниях, с. 191.

в нем элемент ритма, но народно-фольклорная основа его, по моему, является единственным удовлетворительным объяснением этого совпадения.

4

Проследив отражение и историю «Слова о полку Игореве» в литературных памятниках, мы не имеем права не поставить вопрос об устно-народных отголосках «Слова о полку Игореве» в фольклоре более нового времени. Вопрос этот труден особенно потому, что одностороннее литературоведческое решение его в нашей науке, давшее около 800 работ о «Слове» в связи с литературой, не дало ни одной работы по поискам отражений «Слова» в позднейшей устной народной традиции. Никому и в голову как-то не приходило искать этих отражений, кроме разве голословного и ошибочного предположения акад. В. Н. Перетца об опускании эпитетов «Слова» в фольклор позднейшей эпохи. В. Н. Перетц не допускает даже гипотезы «о параллельной традиции» эпитетов в древней письменности и в устной традиции». ⁵⁸ Он утверждает «генетическую зависимость заметной группы эпитетов устной традиции от древней, дошедшей до нас на письме». ⁵⁹ Другими словами, новый фольклор даже в эпитетах своих возводится к книжным источникам. Невозможность согласиться с этой позицией будет показана в третьей главе моей работы специально об эпитетах «Слова». Сейчас же я эту гипотезу В. Н. Перетца привел для того, чтобы показать, что в сущности проблему отражения «Слова о полку Игореве» в позднем фольклоре приходится начинать сначала, несмотря на почти полуторастолетнее изучение «Слова». Не имея в этой области возможности опереться на предшествующие работы, я, разумеется, буду скромнее в своих наблюдениях. Однако оставить проблему без собирания и освещения хотя бы небольшого количества имеющихся фактов нельзя. К счастью, кое-какие факты имеются.

Во-первых, надо сразу же дать себе ясный отчет в том, что «Слово о полку Игореве» древнейшей редакции XII в., конечно, сколько-нибудь крупных отражений в новом фольклоре оставить не могло. Для его смерти в древнейшем панегирическом для северских и киевских князей виде было слишком много оснований в последующей истории русского народа. Уменьшение роли Киева, малая значимость Игоря и его походов в общерусском масштабе, татарская эпоха, свержение татарщины, московский период и петровская эпоха, наполеоновские войны — слишком много крупнейших исторических событий прокатилось по народному сознанию за семь с половиной веков со времени создания «Слова о полку Игореве» для того, чтобы старая панегирическая песнь могла сохраниться в своем древнейшем виде. Смененное

⁵⁸ Перетц В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1920, с. 148.

⁵⁹ Там же.

в конце XIV в. новой редакцией — «Задонщинами» — «Слово о полку Игореве» сразу же потеряло актуальность в старом виде. Поход и поражение Игоря потускнели перед победой над Мамаем. Но зато новый его вид — «Задонщины», — как выше показано, жили интенсивной жизнью в течение по крайней мере XV—XVIII вв., т. е. целых четыре столетия. Следовательно, отголоски «Слова о полку Игореве» в новом фольклоре мы вправе искать главным образом через посредство «Задонщин».

Во-вторых, и «Задонщины» не были единственным видом былевого эпоса, связанного с монголо-татарами. Несомненно мы должны признать существование целого цикла былин Калкско-Куликовского полей. За это говорит существование былин типа «Слова о погибели Руския земли», «О донском бою», былины, лежавшие в основе Азовских повестей и, наконец, такие поздние былины, как «О камском побоище», былины о Батые, «Авдотья Рязаночка» и т. п. Нельзя сомневаться, что все былины этого цикла непрерывно переплетались, входили во взаимодействие и сюжетное и композиционно-стилевое. Следовательно, рассчитывать на сохранение в течение пяти веков цельного и хорошего текста даже «Задонщин» в фольклоре мы также едва ли вправе. Ведь даже записи «Задонщин» XV и XVII вв. резко и значительно разнятся друг от друга. Такие находки возможны, но, конечно, случайные, как случайностью является открытие самого «Слова о полку Игореве».

Из сказанного следует, однако, что единственный правильный методически путь поисков в фольклоре отражений «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» есть путь поисков их эпизодических, отрывочных, некрупных в смысле текста отголосков. Прежде всего попробуем искать такие отражения в старых записях песен и былин.

I. Если просмотреть песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса,⁶⁰ то этот сборник даст ряд интересных параллелей и «Слову» и «Задонщинам», а именно:

1. Вторая песня дает плач москвичей и немцев:

А расплачютца гости москвичи.	Восплачется жена Микулина Мария.
(с. 2)	(Задонщина К)

А съезжались князи-бояря супротиво к ним.	Съехали все князи русския.
(с. 3)	(Задонщина К)

Высоко сокол поднялся И о сыру матеру землю ушибся.	Коли сокол в мытех бывает Высоко птиць взбиваеть.
(с. 3)	(Слово о полку Игореве)

⁶⁰ *Симони П. К.* Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса. СПб., 1907. Ударения в песнях расставлены Ф. Е. Коршем ошибочно.

2. Плач дает и третья песня Джемса: «Сплачетца на Москве царевна» (с. 5) и пятая песня «А сплачетца на Москве царевна» (с. 10).

3. Шестым номером в сборнике Джемса дана короткая былина о крымском царе, идущем на Московское царство. Начинается она так:

А не сильная туча затучилася
А не сильнии громы грянули.

(с. 12)

На том поле сильнии тучи
ступишася,
А из них часто сияли молынии
И загремели громы величии. (У)
На поли Куликове тучи сильния
изступишася. (С)
Гримит гром сильнии. (С)

Таким образом, «Задонщина» отдельными образами плачей находится в русле фольклорного стиля начала XVII в., представленного в песнях Джемса.⁶¹

II. Совершенно исключительный интерес представляет привлечение былины, записанной в XVII в. в виде «Сказания о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побиили царьградских богатырей учинили себе честь».⁶² Несомненно самая запись этой былины есть дело рук той демократической литературной братии, которая записывала и «Задонщины». Старший список этой записи такой же неграмотный и неискусный, как «Задонщины» и как «Сказания о Мамаевом побоище» или Азовские повести. Старший список «Сказания о киевских богатырях» (Е. В. Барсова, XVII в.) не оставляет ни малейшего сомнения в том, что он есть простая запись былины, а не литературная обработка. В нем былинный текст сохранился в былинном стихе с небольшим искажением писца. Приведу важнейшие параллели к «Задонщинам».

Вот, например, начало обеих былин:

⁶¹ Новая недавно выдвинутая точка зрения на сборник песен Р. Джемса (Данилов В. В. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. — Тр. Отд. др. рус. лит-ры, М.; Л., 1935, т. II, с. 165—180) как на политические песни начала XVII в. не крестьянские, а созданные в агитационных целях в Москве в средних классах городского населения, мне кажется, хотя и не вполне доказанной, но заслуживающей внимания. В. В. Данилов, по-моему, совершенно правильно выдвигает идею творческой активности в начале XVII в. и городского населения и даже дворянства (сборник П. А. Квашнина) в духе творчества народных песен. Отрицать фольклорную основу песен сборника Джемса и фольклорную установку песен сборника П. Квашнина невозможно. Но тем ценнее узнать, что даже в самом начале XVII в. был не только интерес к народной песне в известных московских слоях, но и были попытки творческого им подражания, вроде песен П. Квашнина. Это полностью подтверждает выдвинутую мною концепцию о наличии и ранее, т. е. в XVI и XV вв. подобного же интереса к фольклору в тех же средних кругах торгово-мещанского городского населения.

⁶² Симоны П. Памятники старинного русского языка и словесности, Пг., 1922, вып. 1. (страницы указаны далее в тексте, — С. А.).

Во столном славнем граде Кневе
Говорит князь Владимир Всеславич
Киевской

Своим богатырем,
Илье Муромцу с товарищи:
«Или то вам несведомо богатырем,
Что отпускает на меня царь
Костянтин
Из царяграда 42 богатырей.

(с. 1)

Таким образом, «Задонщины» XVII в. сразу же дают осяза-
тельную увязку с былиной о семи богатырях. Но эта связь идет
и дальше. Владимир систематически называется «Всеслаевич»,⁶³
и далее:

Берегли бы естя града Киева
И всее моей вотчины.

(с. 2)

Идея чести и славы одинакова в обеих былинах:

Тебе государю славу великую
учинимъ
И себя, государь, в чес[ть]
введемъ
И всему твоему государству
похвалу великую учиним
И многия орды остр[ас] тимь.

(с. 2—3)

Лутче бы мы тое срамоты великия
не слышали
Нежели мы от князя в очи
такое слово слышали.

(с. 7—8)

Лутче нам той срамоты великия,
Как случитца нам в чистом
поле смерть недобрая.

(с. 50)

За то хочю голову сложить
За государеву чашу и молитвы
И за ево хлеб-соль великую.

(с. 14)

Говорит князь великий Дмитрий
Иванович,
Брату своему князю Володимеру
Опдреевичу. (С)
Ведомо нам, брате, у быстрого

Дону
Царь Мамай пришел на Рускую
землю.
А идет к нем в Залескую землю (У)
И великому князю Владимиру
Всеславьевичю киевскому (У)

Уже бо поганые поля руские
паступают
И вотчину отнимают.
(У, сходно — К)

И воздадим поганому Мамаю победу
А великому князю Дмитрею
Ивановичю похвалу. (У)
Поедем тамо укупим животу своему
славы (У)
На похвалу руским князем (У)
А чести есмя, брате, добыли.
И славного имени. (У)
Искувим животом славы,
Учинить имам диво. (С)

. . . . . ищут бо себе
Чести и славы и великого имени. (С)
А тым богатырем слава и чест. (С)

Лутче ж бы потятү быти
Неже полоненү быти.
(Слово о полку Игореве)

Лучши бы есмя сами
На свои мечи наверхлися,
Нежели нам от поганых
Положенным пасти. (К)
Лутчи бы нам потятым быть,
Нежели полоненым от поганых
татар. (У, сходно — С)

Хощу главу свою приложити
А любо испити
Шеломомъ Дону.

(Слово о полку Игореве)

⁶³ «Всеслаевичем», или «Сеславичем», князя Владимира называют мно-
гие былины XVIII и XIX вв. и в записях литературных (см.: Тихонравов Н.,

Против царя сидят: Идол
Скоропеевич богатырь
А ростом добре не по обычаю:
Меж очима у него стрела ладится,
Меж плечми у него большая
сажень,
Очи у него как чаши
А голова у него как пивной котел.

(с. 17—18)

Не птички соловьи рано
в дуброве просвистали
Свиснули гаркнули богатыри
богатырским голосом.

(с. 28)

И все товарищи скоро поехали
за нимь
И ударилися крепко на копье
булатныя
И училися твердо бить
и неподвижно.

(с. 34)

А похвалу есми видели твоих
богатырей:
Похвала мужю великая пагуба.
А татар всех побили, тем
на Рус[и] не бывати.

(с. 36)

Не белая лебед воскликкала
Восплакалася мати Тугарина
змиевича.

(с. 37)

Не белая лебедь воскликкала
Восплачетца Тугаринова мать.

(с. 53)

... ..именем Телебей:
Трею сажень высота его
А дву сажень ширина его
Межу плеч у него сажень мужа
добраго
А глава его, аки пивной котел
А между ушей у него стрела мерная,
А между очи у него аки питий чары.

(Вставки в списке «Сказания
о Мамаевом побоище» — ГИМ,
собр. Уварова, № 802, XVII в.)⁶⁴

А соловей, летняя птица
Красных дней втеха. (С)
Не щурове рано воспели
В колодных городах на
забóролех...

Восплакалися жены поломяныя. (С)

То ти наехали русские князя
на силу татарскую,
И удариша копье фараджными
О доспехи татарские,
Возремели мечи булатные. (У)
И нача их бусорманов бити. (У)

И похвала Руской земли ходити. (У)
Пошел еси похвалившись на Рускую
землю. (С)
Похвала бывает мужю безумному
великая пагуба. (С)
— Уже нам, брате, в земли своей
не бывать

А в Русь ратю нам не хаживать. (У)
Ярославнын глас слышит,
Зегзицею незнаемь рано кычьеть

(Слово о полку Игореве)

Плачется мати Ростислава.

(Там же)

Не щурова рано воспели...
Восплакалися жены поломяныя.

(Задонщина С)

Миллер В. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, № 1—4 п др.), и в записях непосредственно из уст народа (см.: Киреевский, IV, с. 86).

⁶⁴ Текст былины в записи XIX в. Архангельского у. (Киреевский, IV, с. 23) дает еще более близкую параллель к прототипу «Задонщины», лежащей в основе текста Увар. № 802 «Сказания о Мамаевом побоище»:

В долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,
Головища его как пивной котел,
Глаза у него как чаши питейны,
Носище как палка дровокбльная.

Лебеди же упоминаются в «Слове о полку Игореве», как известно, четыре раза.

Не уведите для *моих слез* младово
Тугарина Змиевича.

(с. 38)

А бых не слала к нему
Слез на море рано.

(Слово о полку Игореве)

Утрите вы слезы *крававья*
Не нанесите на себя клятвы
вечныя.

(с. 53)

Утру князю *крававья* его раны
На жестодем его теле.

(Там же)

И учили заклинать, чтоб *имь*
на *Русь*
Не бывать век по веку.

(с. 45)

А в *Русь* ратю нам не хаживать. (*У*)

А удалых богатырей станных
людии
И под мечь *всех приклонити*
А *злато и серебро* покатым

телегами.

(с. 13)

Уже поганые оружия
Своя повергоша на землю,
А главы своя *подклониша под мечи*
русские (*У*)

А *злата и серебра*

Нимало того потрепати.

(Слово о полку Игореве)

И их храбости слава
не минуетца.
(с. 55)

Князем слава а дружине, аминь.

(Там же)

Если к этому прибавить концовку «Сказания о киевских богатырях»: «Богатырское слово во веки аминь» (с. 46; ср.: «Слово о полку Игореве»: «...князем слава а дружине, аминь» или «Слава и ныне и присно и во веки веком, аминь» — в «Задонщине» (С)), то мы отметим все случаи, имеющие характер совпадений.

Прежде всего надо отметить, что список Буслаева XVIII в. (ГПБ, О. XVII, № 57), изданный тем же П. К. Симони, несомненно дальше от текста «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», хотя в двух-трех случаях он дает чтения, по-видимому, более близкие. Далее, совершенно бесспорно также то, что, хотя список Барсова XVII в. и список Буслаева XVIII в. суть записи одной и той же былины о семи киевских богатырях, не может быть речи о литературной связи обоих списков. Различие столь существенно, что возводить их друг к другу невозможно. Ясно, что мы имеем здесь дело с двумя независимыми записями одной и той же народной былины, совсем так же, как, например, мы имеем в «Задонщинах» К и С, т. е. рукописные тексты былины о «Киевских богатырях» — явление той же литературной среды, в какой были записаны «Задонщины». Это доказывает несомненную возможность контакта и самих былин.

Но каков же этот контакт? Какова связь «Задонщин» и «Слова о полку Игореве» с былиной «О семи киевских богатырях?»

Во-первых, всматриваясь в приведенные аналогии, мы должны

решительно исключить возможность литературной связи. Если исключается литературная связь текстов Барсова и Буслаева одной и той же былины, то тем более невозможна такая связь этой былины с «Задонщинами» и «Словом о полку Игореве». Ведь все параллели между ними есть параллели образов, параллели приемов стилистического построения отдельных фраз и в ряде случаев совпадение отдельных слов. Но слова эти очень характерны, например отчество Владимира «Всеславьевича», оборот «лучше... нежели», «хочю голову сложить», плач матери Тугарина и т. д. Весь этот характер совпадений, не допускающий литературной связи, совершенно закономерен в русле устно-фольклорного бытования. Мы имеем в былине о семи киевских богатырях былину того же круга и эпохи, к которой принадлежали по крайней мере «Задонщины» и краткая редакция «Слова о полку Игореве». Только таким путем, путем связи на почве устного бытования и сосуществования мы в состоянии объяснить поразительный факт, что при большей в общем близости былины о семи богатырях к «Задонщинам», несколько мест ее хранят более близкие связи со «Словом о полку Игореве». Пусть эти связи словарные только, но именно такими они и должны были быть в эпоху XVII и XVIII вв. Изучение былины о семи богатырях подтверждает нам еще раз устно-фольклорный характер «Слова о полку Игореве» и «Задонщин».

Во-вторых, несомненно, что былина о семи богатырях киевских стоит в ближайшей фольклорной связи именно с «Задонщинами». За это говорит, кроме параллелей, указанных выше, еще и композиция былины. Мы в ней имеем несколько эпизодов, параллельных «Задонщинам» или «Слову о полку Игореве» в неизвестной редакции. Например, начало былины параллельно с «Задонщинами», далее богатыри ставятся в опасное (точнее неприятное для них) положение, из которого они выходят решением: «Лучше... нежели», далее бой с монголо-татарами, напоминающий «Задонщины», плач матери Тугарина. Все эти эпизоды, показывая параллели, а местами и прямую связь двух былин, говорят за более позднее происхождение былины о семи богатырях. Я отнюдь не хочу утверждать, что эта былина возникла из «Задонщин» или на их основе. Скорей мы должны допустить независимое сложение былины. Но «сожительство» ее с «Задонщинами» в устах певцов и большая популярность «Задонщин» в XIV—XVIII вв. должны были внести известную долю отложений и влияний, разумеется, чисто фольклорных, на былину о семи богатырях.

В-третьих, приведенный анализ дает право высказать некоторую догадку и о времени сложения былины о семи богатырях. В 1453 г., как известно, Константинополь подпал под власть турок. Второй Рим пал. Это произвело ошеломляющее впечатление на весь христианский мир, в том числе и на русских людей. Вспомним повести, созданные литераторами в XV в. на Руси о пе-

реходе к Москве царских регалий, о белом клобуке и т. п. Почва для такого творчества была подготовлена действительным ростом и расцветом Московского государства после Мамаева побоища, т. е. в XV и XVI вв. Я не сомневаюсь, что массы не оставались чуждыми судьбе Царьграда. Они должны были откликнуться и откликались эпическим творчеством сочувственного Царьграду и враждебного туркам характера. Но в то же время массы не могли не учитывать роста политического значения Москвы и ее военной мощи. В народном сознании это превосходство Москвы над Царьградом и вылилось в былинку о превосходстве семи русских богатырей над богатырями цареградскими, каковые притом рассматриваются в знакомом русском образе монголо-татар. Бытование в XIV—XV вв. «Задонщин» с готовыми формулами и врагами монголо-татарами облегчало сложение новой былинны. Турки, владевшие Константинополем, были заменены монголо-татарами, которых и громят семь киевских богатырей. То обстоятельство, что богатыри названы «киевскими» доказывает, что былина древнее XVII в., что она еще не порвала связи с древней домосковской традицией. Но другой факт — ясное осознание превосходства русских богатырей над цареградскими, подчинение константинопольского царя монголо-татарским богатырям, частое употребление слова «государь», изображение князя Владимира не трусливым и слезливым князем киевским, а грозным, сильным царем, у которого есть вотчины во всех ордах, которому богатыри русские обязаны беспрекословно повиноваться, — указывает, что былина отражает эпоху уже сильной царской власти — эпоху Ивана Грозного, т. е., вероятно, первую половину XVI в. Былина сохраняет даже указание на придворный этикет. Когда богатыри с победой возвращаются к Владимиру, они

И выбирают от себя богатыря дворянина Залешанина:
«Поед ты, дворянин Залешанин,
К столному граду Киеву,
Ты жилец двора государева,
Много живешь во дворе государеве
И всякой чин ведаешь,
Обошли нас государю князю Владимиру Всеславичю,
Велит ли намь на свои государския очи видети».

(с. 39—40)

Былина о семи богатырях по общему идеологическому направлению отражает московскую идеологию XVI в. о превосходстве Москвы над другими странами. Высказанное в литературе предположение, что под рекой Смугрой надо иметь в виду реку Угру, на которой встретились в 1480 г. русские войска Ивана III с войсками Ахмата и разошлись без сражения, окончательно освободив Москву от ордынской зависимости,⁶⁵ мне кажется весьма правдо-

⁶⁵ См., например: *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности, М., 1910, т. II, с. 137.

подобным. Это датирует *terminus a quo* создания былины концом XV в.

Что былина создана не литераторами, а народной массой доказывает ее идеологический анализ. С одной стороны, мы видим в былине богатырей, строго подчиняющихся воле «государя» — князя Владимира. Они беспрекословно подчиняются Владимиру; когда он отвергает их просьбу пустить их на подвиги, они «закручинились», но не осмеливаются не повиноваться князю, а когда тайком разгромили врагов монголо-татар, то посылают вперед дворянина Залешанина испросить разрешения явиться на «свой государский очи». Это приниженное положение богатырей при дворе князя — черта совсем новая сравнительно со старыми вольными богатырями, которые хотели — служили князю, не хотели — уходили, за которыми Владимир Красное Солнышко ухаживал. Двор князей Ивана III и Ивана IV — уже двор государей властных и сильных. И приведенная нота государственной приниженности богатырей, по-моему, подтверждает косвенно сложение ее в массах и именно при Иване III и Иване IV.

Но, с другой стороны, за сложение былины в массах говорит и нота классового протеста, которая довольно ярко отразилась в былине. Когда Владимир в начале былины предлагает богатырям беречь «его вотчины», богатыри возмущенно ворчат:

Государь, князь Владимир Киевской
Сторожем мы в земле не извадились жить,
Не доведетца нам сторожами слыть.

(с. 3)

И далее этот протест еще резче:

Не извадились мы сторожемь стеретчи,
Толко мы извадились в чистом поле ездити.

(с. 5)

Когда же Владимир окончательно запрещает богатырям разъезжаться из Киева, боясь остаться без защиты с их стороны, и говорит вторично: «Пригоже вам моя вотчины побережи», богатыри «закручинились», уехали тайком:

Едут по чистому полю
Взговорят промеж собою такоу пословицу:
«Лутче бы мы тое *срамоты великия* не слыхали,
Нежели мы от князя в очи такое слово слышали,
Хотя б мы люде и не дородились
Да были бы мы богатыри недобрыя
И нас бы в Кееве сторожи стеретчи не заставляли».

(с. 7—8)

Это уже прямой протест против недостойного использования богатырской силы не по назначению. Такой протест мог включиться в былинку только в народной среде.

В-четвертых, наконец, былина о семи богатырях, возникнув в XV—XVI в., вошла в цикл былин о борьбе с монголо-татарами и интересна еще и с точки зрения списка богатырей-участников похода на Царьград: это Илья Муромец, Добрыня Никитич, Дворянин Залешанин — «серая свита злаченные пугвицы», Алеша Попович, «Щата е[сть] Лизынич», Сухан Домоньянович, «Белая палица красным золотом украшена, чечым жемчюгом унизана» (с. 3—4). В списке Буслаева вместо Щаты — Глапит, а Белая палица назван «дворянином». Таким образом, в перечне богатырей оттенена классовая группировка их: два дворянина выделены. А если принять, что Щата есть ошибка, и прочесть как Щапа Лизынич, т. е. Щеголь — лизун (об Алеше Поповиче), то не останется сомнения в ироническом отношении певцов былин к классу дворян и поповскому. Да так оно дальше и отмечено: «Всех у нас пуще Олеша Попович, что он де пьян или не пьян изо всех нас охочь браниться». Любопытно, что этот список резко расходится со списком богатырей в былине о Калкском побоище.

Таким образом, заканчивая анализ былины о семи богатырях киевских, я прихожу к выводу, что эта былина, сложенная в крестьянских массах в связи с падением Царьграда и освобождением Руси от монголо-татарского ига, восприняла и сохранила некоторые элементы былин типа «Слова о полку Игореве» и «Задонщин».

Наконец, в-пятых, былина о семи богатырях дает косвенное доказательство возможности записи в прошлом и былин «Задонщин» и «Слова о полку Игореве». Факт точной записи былины о семи богатырях в XVII в. подтверждает факты довольно широкого существования подобных записей фольклора и ранее. XVIII в. приносит уже несколько подобных записей былин.⁶⁶

В заключение два слова о точке зрения А. Н. Веселовского, посвятившего «Сказанию о семи киевских богатырях» небольшой этюд, и В. Ф. Миллера, посвятившего «Сказанию» целый очерк. А. Н. Веселовский в результате беглого обзора пришел к выводу, что «Сказание о семи богатырях» восходит в своем прототипе к дотатарской эпохе, когда собирательным центром русского эпоса был один Владимир; в дошедших до нас списках «Сказания» уже является татарская терминология.⁶⁷ При всей соблазнительности этой гипотезы она дана с таким поверхностным обоснованием, что является скорее остроумной, чем доказательной. А. Н. Веселовский не учел, что дело не в терминологии только, а в том, что и идеологическая основа былины о семи богатырях, и ее оформление, и характер связи ее с «Задонщинами»

⁶⁶ Кроме Буслаевского списка XVIII в. той же былины о семи богатырях, мы имеем эту былину в сокращенном виде в более поздней записи в Архангельском уезде (см.: *Киреевский*, IV, с. 22—38). Она значительно короче «Сказания о семи богатырях», но имеет одно место, ближе стоящее к «Задонщинам», чем даже в списках Барсова и Буслаева (см. выше, примеч. 64).

⁶⁷ *Веселовский А. Н. Южнорусские былины*. СПб., 1881, с. 374.

и «Словом о полку Игореве» свидетельствуют не о «дотатарском» происхождении, а несомненно, о более позднем и, может быть, очень близком к эпохе Ивана Грозного.

Я считаю необоснованной также точку зрения на «Сказание о семи богатырях» как на произведение книжное, высказанную акад. В. Ф. Миллером. Он писал: «Выше мы нашли неубедительным предположение А. Н. Веселовского, что „Сказание“ представляет подправленную в книжном духе запись древней сложной былины, сделанную книжником».⁶⁸ «„Сказание“ есть произведение книжника, пользовавшегося народными былинами, а не простая запись былины, ходившей в народе» (с. 165). Аргументации, однако, в пользу такого мнения у В. Ф. Миллера почти нет. Он начинает с того, что указывает: «приводимое А. Н. Веселовским из былины об Иване Гостинном место едва ли достаточно для заключения о том, что на Руси известна была и действительно пелась былина, вполне соответствующая содержанию „Сказания“» (с. 121). И далее все возражение свое против существования былины о семи киевских богатырях В. Ф. Миллер строит на уникальности этого «Сказания» (с. 123), на наличии в тексте «Сказания» элементов, которые «звучат не по-былинному» (с. 124). Сам В. Ф. Миллер полагает, что «Сказание» создано «каким-нибудь грамотеем» не ранее взятия Казани (1553 г.), что этот грамотей «жил, по-видимому, в местах, где эпическая традиция процветала и был сам хорошо знаком с былинным складом п л а д о м» (с. 143), что основная идея — выразить «яркие признаки московского великокняжеского или царского времени с его казенным патриотизмом и холопскими чувствами» (с. 129—130). «„Сказание“ уже потому не могло быть простою записью, ходившей в народе сложной былины, что до сих пор, несмотря на значительный консерватизм в нашем былинном инвентаре и несмотря на сотни записанных с XVIII в. до наших дней былин, мы не находим хотя бы скомканных и искаженных потомков предполагаемой А. Н. Веселовским былины. Да и само „Сказание“ как произведение грамотея не распространилось в народе и известно, сверх барсовского списка, только в одном буслаевском XVIII века» (с. 147).

Аргументация В. Ф. Миллера, слабая сама по себе, однако вызывает целый ряд замечаний.

Во-первых, несмотря на приведенные аргументы, В. Ф. Миллер, не замечая, что впадает в противоречие с самим собою, заключает: «„Сказание“, на наш взгляд, представляется н а и в н ы м народным отголоском на те политические идеи, которые распространялись при московском дворе и духовенством, и более просвещенными людьми XVI века, московскими государственниками» (с. 145). В. Ф. Миллер именно в этой мысли совершенно

---

⁶⁸ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. II, с. 139 (далее страницы указываются в тексте, — С. А.).

прав. «Сказание» отражает «народные отголоски», а не отголоски «грамотеев», и главный аргумент — отсутствие других отражений в позднейших былинах — отнюдь не аргумент против былинного характера сказаний.

Во-вторых, совершенно непонятно, как можно было не поставить знака равенства между архангельским вариантом Киреевского и «Сказанием о семи киевских богатырях». Конечно, это одна и та же былина, и не случайно, что до А. Н. Веселовского еще П. Бессонов так и понял «Сказание» — как вариант к былине. Он писал в примечании о «Сказании»: «В основе своей это народная былина, но с разрушенным складом и стихом, т. е. побывальщина. Когда же занесли ее в рукопись, тогда несколько окрасили книжным цветом, с приемами московских летописей и языком московского двора: вышло „Сказание“». ⁶⁹ Значит, отголоски «Сказания» имеются в виде многочисленных вариантов былины об Илье и Тугарине. То, что отсутствуют в сочетании с данным именно сюжетом число богатырей семь и некоторые эпизоды, как раз не противоречит былинности «Сказания». Уникальный характер отдельных эпизодов или целых былин вещь обычная. Вспомним хотя бы Щелкана, Авдотью Рязаночку и т. п.

В-третьих, теперь, после анализа «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» становится совершенно ясным, что даже так называемые «книжные» элементы были гораздо сильнее выражены в древней былине, особенно в эпоху XV—XVII вв.

Черты московского приказного языка, врывающиеся в «Сказание», отнюдь не говорят за литературный характер обработки сюжета, а только за то, что в фольклоре XVI в., в былинах эта приказная речь нашла свое отражение, вливаясь из живого языка масс. Подобно тому как современная былина вносит слова и обороты современной городской речи, московские былины XV—XVII вв. должны были носить на себе мозаичные вставки слов и выражений городской и современной речи.

В-четвертых, в «Сказании о семи богатырях» текст до такой степени сохраняет былинный стиховой ритм, что не вызывает никакого сомнения в том, что «Сказание» есть подлинная запись народной былины, созданной именно в народной «наивной среде», что это есть всего лишь одна из былинных вариаций сюжета «Илья и Тугарин», как последняя, весьма возможно, была вариацией сюжета «Алеша и Тугарин».

В-пятых, наконец, Вс. Миллер видит литературный характер сознания «Сказания» в элементах «казенного патриотизма и холопских чувств» (с. 129), имеющихся будто бы в «Сказании». Мой предшествующий анализ «Сказания» показывает обратное. Все «Сказание» носит черты классового протеста, как раз отсутствия холопства перед князем со стороны богатырей. Богатыри

⁶⁹ Киреевский, IV, с. 22.

действительно сохраняют, вернее вынуждены сохранять московский этикет XVI в., когда появляются при дворе. Но они настроены бунтарски по отношению к князю, они нарушают его запрет, они резко упрекают князя и совершенно не «по-казенному» патристичны.

Таким образом, и формально, и по содержанию, и по идее, пронизывающей «Сказание», в этом произведении мы имеем несомненную запись народной былины. Не могу согласиться и с датировкой «Сказания» второй половиной XVI в. Выше я привел соображения, которые связывают былинку с разгромом Царьграда турками.

III. Среди старых рукописей XVIII в. имеется несколько «повестей» об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Они напечатаны Н. Тихонравовым и Вс. Миллером.⁷⁰ Несомненно, что одни из этих текстов представляют простые записи былин (№ 3, 4), другие (например, № 5), конечно, есть запись уже сказки на тот же сюжет (здесь Алеша и Добрыня названы министрами Владимира, стиль и диалоги прозаичны, ритм не былинный и т. п.). Однако в основе даже сказки об Илье лежит, конечно, былина, и даже сам рукописный текст дает запись отдельных частей в виде стихов. Но если в основе этих записей XVIII в. лежат народные былины, то, конечно, не лишне посмотреть, нет ли в них аналогий со «Словом о полку Игореве» и «Задонщинами». И действительно, некоторые места текстов этих старых былин содержат такие аналогии. Вот примеры.

Князь Владимир, подобно «Задонщинам», называется систематически «Всеславичем», или «Сославичем», «Всеславьевичем».

Далее мы имеем выражения: «и услышал крик и стук и конское ржание» (с. 1); «и напускает на их силу великую, как на галечье стадо» (с. 1); «И Соловей разбойник упал з девяти дубов, что овсяной сноп свалился» (с. 2, 8 14); «А Илья побил силу великую, будто заичье стадо» (с. 7); «Стоят три терема златоверховатыя» (с. 14); «Кони под ними добрыя, / И копыя у них вострыя, / И хотят Илью на копыи посадить» (с. 15); «и я к вам приеду, то всем вам, Старому и малому, смерти не миноват» (с. 16); «и засвистал во весь свист, что ни есть могуты его и так крепко, что с теремов по самыя окны верхи съвеело» (с. 21—22).

Идолице характеризуется совсем как в «Задонщине»:

Идолица нечестивой:
Голова у нево с пивной котел,
В плечах касая сажень,
Промеж бровми доброва мужа пядь,
Промеж ушми колена стрела

(с. 23)

---

⁷⁰ Русские былины старой и новой записи. М., 1894, № 1—5 (номера страниц указываются далее в тексте).

Наконец, запись № 1 кончается:

Теж люди миновалиса
А слава их до скончания века. Аминь.
Конец и богу слава. Аминь.

(с. 4)

Здесь ясно, что амином кончался сначала устный былинный текст, а потом второй «аминь» приписал уже переписчик.

Разумеется, приведенные черты сходства былинных записей XVIII в. говорят не о прямом влиянии на них «Слова о полку Игореве» и «Задонщин», а о связи их через посредство фольклорной традиции.

Имеются отдельные словарные, правда, очень некрупные аналогии и в других записях былин XVIII в., например в быльшине о «Михайле Потоке» и других богатырях (с. 25 и сл.), где встречается тот же «Владимер Всеславьевич», царь «Кашей», «Золотая Орда» (с. 45), «жеребца латынскова» (с. 63), «и стал напущать он на полки татарские, что ясен сокол на стада на галечья» (с. 63), «мурзы-уланова» (с. 64), «ис под телеги ордынской» (с. 65), «коли он побил силу рать великую» (с. 66), «в чистое поле на шелом» (с. 66) и т. п.

Другими словами, старейшие образцы рукописных записей былин XVII—XVIII вв. представляют для нас несомненный интерес наличием, правда, мелких, но все же аналогий к словарю, стилю и иногда образам «Слова о полку Игореве» и «Задонщин». Но еще интереснее и ценнее для нас те косвенные сведения о самих сборниках, в которых найдены записи этих былин. К счастью, эти сведения даны таким авторитетным ученым, как акад. Н. С. Тихонравов.

Во-первых, большая часть текстов была записана в XVIII в. на отдельных тетрадках, которые только позже переплетены (с. 71, 73), т. е. эти былины несомненно в значительной части записывались из уст сказителей и представляли собою отдельно ходившие по рукам тетрадки единичных записей.

Во-вторых, интересен и социальный состав читателей этих текстов. Если в XVIII в. лирические сборники романсов и песен обращались преимущественно среди «привилегированного класса», то былины и исторические песни были популярны «среди грамотных людей среднего и низшего класса: купцов, мещан, посадских, дворовых людей, крестьян» (с. 82). Замечательный уже названный сборник Буслаева с текстами былин имеет такие записи: «Сия книга дому господина лейб-гвардии прапорщика Алексея Ильича Желябужского служителя ево Ивана Тимофеева сына Быкова», позже другая запись: «Сия книга государственной вотчиной коллегии копейста Петра Иванова сына Степанова» (с. 72). И Н. С. Тихонравов совершенно прав, говоря: «характеризуя своим составом литературные вкусы грамотных людей среднего и низшего класса общества, рукописные сборники

XVIII в. нередко хранят в себе такие версии народных былин, которые совершенно неизвестны по позднейшим записям» (с. 85). После произведенного анализа ясно, что именно к этой демократической линии русской литературы принадлежат записи былин об Азове, «Задонщин» и т. п.

В-третьих, с социальной средой связан и характер грамотности этих записей. Примечательно, что даже в тех сборниках, где литературные повести переплетались вместе с былинами, при сравнительной грамотности первых былина обнаруживают полную безграмотность, избобличая записи непосредственно по слуху. Так, например, случилось в сборнике XVIII в. Публичной Библиотеки, где в записи былины об Илье «господствует безграмотность: во многих словах совсем пропущены буквы, которые следовало взять наверх, а означение титл и соответствующих им сокращений неправильно» (с. 68). И конечно, прав был Чулков, жалуясь на безграмотность писцов источников его сборников, от которых многие песни «претерпели гнусное себе превращение» (с. 81). Однако для наших целей эти указания на безграмотность записей былин ценнейший факт, связывающий «Задонщины», Азовские повести и т. п. именно с этой демократической линией литературных интересов.

Таким образом, русские былины старой записи дают нам интересное дополнение к предшествующему исследованию. Они подтверждают правильность моего анализа и понимания характера рукописей «Задонщин» и, может быть, «Слова о полку Игореве» и былинность их текстов, и даже словесно-стилистическую связь этих памятников, но отнюдь не на литературной почве, а на почве устно-фольклорных источников этих записей.

IV. Л. Майковым в 1890 г. напечатаны три былины из рукописного сборника 1803 г. б. Вологодской губ. Сборник содержит канты духовного содержания и три былины, две из коих записаны были в рукописи даже с разделением на стихи. Одна из них — малоизвестная былина о том, как по морю Хвалунскому ходил гулял Сокол-корабль:⁷¹

Хозяин — от был Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванов,
Его верный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,
Пятьсот гребцов, удалых молодцов.

Этих молодцов «зазрил», засмотрел «Турецкий пан» «большой Салтан, большой *Салтан Салтанович*». Он посылает своих ребят добрых молодцев садиться «во легки струги» и взять в полон Илью Муромца. Последний пускает из лука калену стрелу:

Полети, моя калена стрела,
Выше лесу, выше лесу по поднебесью,

⁷¹ Майков Л. Три былины из старинного рукописного сборника. — Живая старина, 1890, вып. 1, отд. II, с. 2.

Не пади моя *каленая стрела*,
Не на воду, не на землю,
А пади, моя каленая стрела
Во турецкой град, во зелен сад,
В зеленой сад во бел шатер,
Во бел шатер, за *золот стол*,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому *Салтану* в белу грудь...

При чтении этой былины, конечно, XVII в. невольно вспоминаются из «Слова о полку Игоре»е»: «*И стругы* ростре на кусту», «стрелы каленяя», «золот стол», «*И падеся* Кюбяк в граде Кюеве», наконец, разве не напоминает этот образ стрельяния в Салтана Салтановича образа «Слова о полку Игоре»е):

Стреляешп с отня злата стола
Сальтани за землями.

Но самое интересное — концовка былины о Соколе-корабле, имеющая полную параллель в «Задонщинах»:

«*Былина о Соколе-кораблѣ*»

«*Задонщины*»

Ах, тут Салтан покаялся:
«Не подай, боже, водиться
с Ильей Муромцем
Не детям нашим, не внучатам,
Не внучатам, не правнучатам,
Не правнучатам, не пращурятам!»

И плакашя горко, глаголюще:
«*Уж* нам у Золотой орда не бывати,
Бедных жон и детей не видати». (С)
«*Уже* нам, брате, в земли своей
не бывать
И детей своих не видать». (У)

Таким образом, былина XVII в. об Илье Муромце на Соколе-корабле сохранила весьма заметный контакт с устно-народной традицией, идущей от «Слова о полку Игоре»е». ⁷²

V. Л. Майковым в 1891 г. напечатана ценная заметка об отрывке былины в Сибирской летописи. ⁷³ Эта летопись, так называемая Строгановская, известна в двух редакциях: первая составлена в XVI в., вторая на основе первой в XVII в. И вот во второй-то редакции, известной по двум спискам (ГПБ, Q. IV, 82, XVII в. и ЛОИИ, собр. Археографической комиссии № 70, в 4-ку, XVIII в.), в 8-й главе имеются места, взятые, как правильно отметил Л. Майков, «несомненно из народной былины, причем сохрaнен в значительной степени и склад былевой речи».

---

⁷² Надо добавить, что текст былины Майкова не единственный. Мы знаем тот же текст в виде рождественских «виноградий» в Сибири. Например, несколько текстов напечатаны А. А. Краевским (Русская старина, СПб., 1874, т. XI, с. 185—186), М. Ф. Кривошапкиным (Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 42—44) и А. Макаренко (Сибирский календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913, с. 131—135). Сохранение текста именно в сибирском фольклоре свидетельствует о большой древности текста, равно как и сохранение его именно в календарно-обрядовом и колядном применении.

⁷³ Майков Л. Отрывок былины в Сибирской летописи. — Живая Старица, 1891, вып. III, отд. I, с. 129—132.

Л. Майков указал и параллель к этому тексту у Кирши Данилова («Ермак взял Сибирь»). Я не выписываю всего текста, приведенного Л. Майковым, но для доказательства того, что Л. Майков не ошибся, приведу отрывок:

И собрався на устье матки Самары реки
 На крутом на красном берегу,
 На желтом на сыпучем на песочку,
 Не ратная труба протрубила,
 Говорил атаман Ермак Тимофеевич:
 «О, есте, братцы атаманы и казаки
 Донские, Яицкие, Волские и Терские,
 Думайте думу, братцы, с цела ума,
 Чтоб нам не продуматца:
 На Волге нам жить — ворами слыть,
 А на Дону нам жить — казаками слыть,
 А на Яик итти — переход велик...» и т. д.

Таким образом, сомневаться в былинном характере этой довольно длинной вставки в Строгановскую летопись в XVII в. не приходится. Замечательно, что оканчивается эта былинная вставка текстом, аналогичным окончанию «Задонщин». Вот этот отрывок:

Сибирская летопись XVII в.

«Задонщины»

И возговорил атаман Иван Колцов:
 «Добро нам итти на поможание
 [Таким честным людем]
 А толко нас Господь бог помилует
 И неверных нам бог покорит
 [под ноze наши],
 И Сибирское государство возмем
 [и град поставим]
 И *святыя божия церкви*
 воздвигнем
 И соберем себе *славу* вечную
 И *укупим* себе *живота* вечного
 И впрעדьидущия веки. Аминь.

И положили есте головы своя
 За *святыя церкви*, за землю
 Рускую
 А чести есми, брате, добыли
 И *славного* имени
 Богу нашему слава. (У)
 «И мы, господине, поидемь
 За быструю реку Дон,
 Укупим землямь диво,
 Старым повесть, а младым
 память». (К)
 «Поедем тамо, *укупим животу*
 своему *славы*». (У)
 «Пойдем, брате, тамо,
 Искупи животом славы
 Учинить имам живо...» (С)

Приведенный отрывок Строгановской летописи дает текст окончания былины испорченным глоссами летописца. Но даже в таком виде, по-моему, он ясно показывает, что кажущееся на первый взгляд искусственным выражение «укупим животу своему славы» в «Задонщинах» является, по-видимому, ходячим выражением живой поэтической народной речи в XVII в.⁷⁴ Таким

⁷⁴ Впрочем, фольклорный характер выражения «укупить славы» подтверждается записями, извлеченными Д. В. Айналовым из отчета Публичной библиотеки за 1894 г. (Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, с. 214); в рукописной записи народного предания о хождении 40 калик в Иерусалим о них говорится: «А собе во веки славы укупиша». Совершенно ясно, что это была ходячая разговорная формула для обозна-

образом, Строгановская летопись подтверждает фольклорный характер окончания «Задонщин» У и С и отрывок «Задонщин» К и У.

VI. Отражение монголо-татарского нашествия и весьма возможно, что Куликовского боя, довольно заметно в былинном творчестве.

1. Куликово поле упоминается в ряде былин как место казни. Например, в былине «Илья Муромец и Бадан (Батый)»:

Ай у насъ ведь как секут да буйну голову
У нас на полѣ увозят на Куликово.⁷⁵

2. Встречается имя Мамаю (с. 8)

3. Особенно «Камское побоище» (с. 8, 30, 434, 436—437, 478, 481, 487, 523, 553), причем о последнем известна даже специальная былина (о ней см. в Юбилейном сборнике в честь В. Ф. Миллера, М., 1900, с. 150—162). У Маркова приведены два полных варианта ее и отрывок начала (№ 81, 94, 104), записанные в 1898—1900 г. на Белом море.

Эта былина весьма интересна потому, что в ней есть кое-какие элементы сходства с «Задонщинами». Начинается былина о Камском побоище совсем необычным перечнем числа войск у поганных:

А к чему жо, братцы, приуныла луна небесная,
А помолкло-то сончѣ красной?
А подымаласе тутю Литва поганая,
Как подымалосе поганое Идблишшо
А на тот жо на Киев-град,
А на ласкова-то князя на Владимира
Собирал-то он силы сорок царей,
А да сорок царей, сорок царевичей,
А да сорок-то королей со королевичей,
А как сорок-то атаманов, сорок атаманышчиков;
Под каждым-то было царѣм силы сорок тысяч,
Под каждым королѣм силы было по сорокѣ тысяч,
И под каждым королевичем силы было по сорокѣ тысяч,
И под каждым-то атаманом, под атаманышчком силы
было по сорокѣ тысяч.

(с. 434)

Этот отрывок несколько напоминает и солнечное затмение «Слова о полку Игореве» и счет убитых князей в «Задонщинах» У и других.

Далее в «Камском побоище» дается перечень созываемых богатырей в стиле былины о семи богатырях, но с иным составом

чения популярности. См. еще: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. II, с. 242.

⁷⁵ Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, с. 51. См. также, с. 192, 280, 477 (далее страницы этого издания указываются в тексте); см. еще: Васильев Н. В. Указатель к Онежским былинам Гильфердинга. СПб., 1909, с. 23.

этого перечня: Добрыня Никитич, по приказу Владимира, созывает: Самсона сына Колубаева, Дуная сына Иванова, Святогора Гурьева с племянником, Ремянника со племянником, Пересмёту со племянником, Рошшу — Рошшиби колпак со племянником, двух брателков Петровичёв, двух брателков Сбродовичей, Иванушка сына Годенова, Гаврила Долгополого, Пóтыка сына Иванова, Олешенька Поповича. К ним по вариантам присоединяется Илья Муромец, Потанюшка Хрóмый, Михайло сын Игнатъевич или Данилович, Лука Толстоременник, Дук Степанович. Мне кажется, что «Пересмёта со племянником» напоминает «Пересвета с чадом Иаковом» *Задонщин К и У*.

При изображении слета богатырей былина о Камском побойце говорит, что они:

Как ясны соколы да всё слетатисе;

Ише мать сыра земля да потрясайтсе,
А в реках, озерах вода да колыбаецсе.

(с. 437)

Встречается образ грозы:

А как со восточню-ту стороночку
А не тёмная туча тучилась,
А как тёмна туча, как ведь грозная,
А как туча тучилась, как бы гром гремел.

(с. 437)

Враги — татары здесь даны так, что

А погана сила неверна ко Киеву да подвигаютсе
Как от того ведь пару лошадиного
Как помолкла луна небесная.

(с. 438)

Богатыри, подобно «Задонщинам»

Как молились они Спасу пречистому,
Поклонились они да матери Божьей Богоридици.

(с. 439, сходно — 422, 443)

Наконец, встречаем отдельные слова и образы: «стрела калёная» (с. 435, стих 76), «лепетá» (с. 436, стих 95), «гридни княжепецкия» (с. 437, стих 154), «шóломья окатисто» (с. 438, стихи 176, 189 и др.), упоминание «черьквей-то Божьих» (с. 440, стих 266), «гореча кровь» (с. 441, стих 293), «раны кровавыя» (с. 443, стих 399).

В варианте № 94 об орде татарской сказано:

Да как этой орды-силы да неверныя
Ише ясному соколу будё не облететь
Да во весь день—от как ведь вёшныя,
Ишше серому-ту волку будё не обрыскать
Ай во всю-ту поченьку в осённую.

(с. 481)

Это напоминает в «Слове» «рыскание волком» Всеслава.
Илья угрожает Идолищу не дать:

А черьквей-то Божьих под конюшни взеть,
И не дам-то розорить монастыри спасёныя.

(с. 440)

Имеется и место близкое у былины о Камском побоище с «Задонщиной» К:

«Камское побоище»

Как зачели богатыри съезжатисе, —
Как ясны соколы да всё слетатисе,
Они скоро собрались,
да не ослышались.

(с. 437)

«Задонщина» К:

Тогда аки орли слетошася
Со всея полунощныя страны.
То ти не орли слетошася,
Съехалися все князи рускыя.

Я далек от мысли утверждать, что эти образные стилистические параллели ведут к непосредственной текстовой связи. Но мне кажется, что они свидетельствуют о бытовании былин о Камском побоище в русле тех же устно-поэтических линий, в русле былин татарского цикла, к каковым относятся «Задонщины», тем более что этих отдаленных отголосков, сконцентрированных в одной былине о Камском побоище, оказалось значительное число. Эти связи «Задонщин» с былинами о Камском побоище тем более любопытны, что и А. Марковым и Вс. Миллером они приурочиваются к событиям XIII или XIV в. А. Марков видел в них отражение неудачного похода новгородцев в Югру в 1357 г., а Вс. Миллер, — мне кажется, более правильно — воспоминание о Калкском разгроме русских в 1223 г.⁷⁶

Надо заметить вообще, что количество былин, связанных с упоминанием монголо-татар, так велико в русском эпосе и совсем еще не исследовано, что, мне кажется, можно заранее ожидать от анализа этого цикла былин много интересного в смысле разъяснения контакта с эпосом и «Слова о полку Игореве».

VII. Говоря о возможных отражениях «Задонщин» в последующем фольклоре, я должен обратить внимание на батальную песню о войне со шведами, варианты которой собраны у Киреевского в вып. VIII, 1870 г. на с. 125—135. Варианты этой песни разрознены. Но если взять сводный текст песни, то она обнаружит некоторую аналогию «Задонщинам».

Не грозная туча восстовала,
Не част-крупен дождик выпадает.

(с. 129)

---

⁷⁶ См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. II, с. 32—59.

Подымается царев большой боярин граф Борис Петрович Шереметьев. Он «полками приполчился»:

Не ясен сокол по поднёбесью летает
То боярин по полкам нашим гуляет.

(с. 129)

Он держит речь к своим драгунам и солдатам постоять «супротив неприятеля», на что они отвечают:

И мы рады государю послужити
И один за одного умерети!

(с. 130)

Затем изображен бой:

«Задонщины»

При край было синего моря,
При усть было Тихаго Дунаю
Тут распáхана была пашня:
Не плугами и не сохами,—
Добрых коней *копытами*;
Посеяна была пашня
Еще теми же драгунскими *телами*;
Взборонована была пашня,
Еще теми же Мурзавецкими

копьями

Поливана была пашня,
Тою ли христианской кровью

(с. 127)

Черна земля *под копыты*,
А костьми татарскими поля *насеяша*,
А кровью их земля *пролита*
бысть. (У)

Далее по песне Шереметьеву доставляют шведского майора, у которого спрашивают о числе шведской силы. Тот называет цифру 40 тысяч.

Но боярин «тех слов не испугался».

Не две *грозных тучи на небе*
встодили
Сражались два войска тут большия,
Что Московское войско

со Шведским.

Запалила Шереметева пехота
Из мелкого ружья и из пушек,
Тут не *страшный гром из тучи*
грянул,

Не звонкая пушка разродилась:
У боярина тут сердце *разъярилось*.
Не *сырая мать—земля расступилась*,
Не синее море *всколебалось*:
Примыкали штыки тут на мушкеты,
Бросали все ружья на погоны,
Вынимали тута вострыя сабли
Приклоняли тут *булатныя копыя*.

(с. 131)

На том поле *силных тучи*
ступишася,
А из *них часто сияли мблыны*,
И *загремели громы велицыи*,
То ти ступишася руские удалцы
С погаными татарами...
А гремели князи руские
мечьми булатными. (У)
Теми тресну земля

(Слово о полку Игореве)

После этой битвы дан плач шведских солдат совсем аналогично «Задонщине» К:

Как расплачутся тут Шведские солдаты
Во слезах они чуть слово промолвят:
«Лихая, де, Московская пехота...» и т. д.

(с. 132)

И далее коротко дана победа русских.

Во всяком случае наличие в одной песне о Шереметьеве сочетания таких характерных и сравнительно нечастых в соединении эпизодов, как туча — выступление войск, речь к войскам, бой — в образе посева трупами, бой в виде треска земли и плачей, мне кажется, дает право на сопоставление песен. Песня о Шереметьеве, по-моему, хранит в себе отголоски той батальной схемы старых былин, в русле которой бытовали столетие назад «Задонщины».

VIII. У Киреевского в IX выпуске (с. 271—273) помещена песня из Новиковского песенника о «Перекопе». Начинается она так:

Красно солнце закатилося
И настала мать темная ночь.
.....
Не грозны тучи взгрели вдруг:
Батарея наша вскрылася.

Граф Пушкин с войсками «под Крымскую пошел линию».

Не остановил его картечный град,
Не боялся он их тучь дождя.
.....

Он обращался к солдатам с речью:

«Ой, вы, братьцы и друзья мои,
Гранадеры вы и егери!
Не пришли мы, чтоб назад итти,
Победим врага или умрем все тут».

После речи Пушкина:

Как сбколы наши взвивалися
.....
Тут бежал уж уstraшенный враг.

Причем со стороны русских Прозоровский:

Как орел во птиц пуцался в них.
Ему все уже последуя,
Всю татар кучу рассеяли,
По чисту полю по Крымскому,
Чуть успел уйти и сам их хан,
Со стыдом, с страхом и горестью.

На этом песня кончается.

Выделенные курсивом слова представляют, правда, не буквальные аналогии к «Слову о полку Игореве» и «Задонщинам», но что-то вроде перевода тех же образов и выражений на более новый язык. Кроме того, некоторая аналогия опорных эпизодов: что-то вроде затмения, дождь стрел заменен дождем картечи, обращение командующего, победа над врагом и бегство хана (по типу «Задонщин»).

Я коснулся связи и, может быть, отражения «Слова о полку Игореве» и «Задонщин» только в русском фольклоре. Теоретически говоря история «Слова» допускает, хотя и в меньшей степени, возможность отражения наших памятников и на украинском и белорусском фольклоре. Но силами одного исследователя нельзя «объять необъятное». Это потребовало бы слишком много сил и времени. Поэтому я оставляю пока вопрос в виде поставленной проблемы.

5

Я заканчиваю главу о внешней судьбе «Слова о полку Игореве» несколькими общими выводами, на которые необходимо указать, кроме частных выводов, сделанных при каждом разделе отдельно.

Во-первых, исследование показало, что «Слово о полку Игореве» не является литературным уникалом, как думали до сих пор, а есть явление фольклорное и по своей судьбе, т. е. типовое. Пушкинская формула, что на всем протяжении древнерусской литературы «Слово» является единственным художественным базисом, что оно есть «чудо» по формуле ряда исследователей, теперь рассеивается без остатка как точка зрения неисторическая. «Слово» не было уникалом и выступает исторически в окружении сложного комплекса аналогичных произведений устно-народного творчества. Порожденное само стихией народных ритмов, как было показано в первой главе, и народной поэтики и идеологии, как будет показано далее, «Слово» само порождает в течение XII—XVIII вв. целый ряд новых явлений, претворяется само в ряд новых эпических редакций (полная XII в., краткая XIV в., «Задонщины» типа *K* и Тимк. XV в., «Задонщины» типа *У, С, Р I* и *II* и др. более позднего времени) и оказывает влияние на народное творчество позднейших эпох (на Азовские былины и песни, на песни Рязанского цикла, на калкско-куликовские песни, на московские песни XVII в., на былинку о семи киевских богатырях, на другие былины и т. д.). Так открывается главная тайна — тайна вариантов и судьбы «Слова о полку Игореве».

Во-вторых, анализ внешней судьбы «Слова» привел нас к открытию целого нового пласта, целого нового направления в древнерусской литературе — направления демократического, которое и по слабо литературно квалифицированному составу литераторов и по близости их интересов к творчеству фольклор-

ному представляет огромный интерес, хотя оно не было вовсе учтено до сих пор литературоведческой наукой. Начало этого направления мы прослеживаем документально с конца XV в. (дата записи «Задонщины» К) и через XVI, XVII, XVIII и XIX вв. в записях «Задонщин», старых записях песен, былин, Мамаевских и Азовских повестей, в сатирической литературе XVII в.⁷⁷ Позднее, в XIX в. эта среда выявляется как ремесленническая, мещанская, мелкобуржуазная, городская среда, любительница лубка (Бовы, Еруслана, Гуака и т. д.) и народного песенника. Но, по всей видимости, и ранее XV в. она существовала, по крайней мере в Киеве и Москве, ибо в свете новой картины судьбы «Слова» такие факты, как нахождение фольклорных отрывков в Лаврентьевской, Ипатьевской, Псковской и Сибирской летописях, в Молении Даниила Заточника, в записи на Апостоле 1307 г., подтверждают наличие демократического литературного направления гораздо глубже XV в. Значение этого литературного пласта, промежуточного между господствующей церковно-боярской литературой и устным народным творчеством, нельзя недооценивать в общем ходе русского литературного процесса. Раскрытие этого значения и размаха — дела будущих исследований и не входит в задачу настоящей работы. Но констатация самого существования этого пласта и его огромной значимости прежде всего для правильного понимания судьбы «Слова о полку Игореве» должна быть сделана.

Надо заметить, что этот второй вывод о существовании в древнерусской литературе демократического направления с интересом к фольклору получает поддержку еще, например, в истории жанра житий святых, особенно северных. Во всяком случае заслуживает большого внимания старое исследование И. Некрасова.⁷⁸ Автор доказывает весьма убедительно, что для XV, XVI и XVII вв. по отношению к Северу можно говорить, что «в нашей древней литературе действительно есть целый отдел, писанный языком народным» (с. 151), — это первичные редакции житий святых. «Этот отдел памятников древней Руси представляет нам, если так можно выразиться, литературу самоучек, которые при умении писать в самом простом и обыкновенном смысле первоначального умения, почти не получили никакого навыка писать что-нибудь от себя... Эта ступень литературной деятельности предполагает только выучку письму до такой степени, чтобы научившийся ему мог писать более или менее правильно под диктовку» (с. 124—125). «Нередко мы и действительно встречаем такие указания, что все литературное дело состояло в том, что

---

⁷⁷ Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937.

⁷⁸ Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870 (страницы этой работы указываются в тексте, — С. А.).

писали слово в слово⁷⁹ с того, как им диктовали» (с. 125). И далее И. Некрасов весьма убедительно доказывает факт именно записей под диктовку первичных рассказов о житиях ряда северных святых — Михаила Клопского, Филиппа Ирапского, Пафнутия Боровского, Ивана и Лонгина Яренских и многих других. И. Некрасов далее указывает образцы народных выражений и слов из этого простого народного языка в ранних редакциях житий, наличие мотивов народной поэзии в житиях, вроде: «непроходимыя дѣбри и лѣсы темныя и чащи и дрязги великия» (рукоп. Сол. № 230, с. 138), «море студеное» (ркп. Погод. № 649, с. 150), «близ дышущаго моря акияна» (ркп. Синод. № 413, с. 19), «на безбожнаго Момая» (ркп. Унд. № 367, с. 4), «игумен ему молвит, чему сыноко имени своего нам не скажѣшь» и т. д. (с. 157, 161, 168). Правда, в житийной литературе все эти элементы поверхностны, случайны. Но все же они служат бесспорным доказательством трех положений.

Первое, что выдвинутый мною тезис о существовании в XV—XVII вв. на Руси литературной среды слабой квалификации из средних и низших слоев населения, подтверждается историей древнерусской литературы житий святых, особенно северных.

Второе, что если составители этих житий первоначально записывали под диктовку рассказы о чудесах и подвигах святых, то значит практика записей под диктовку должна быть признана доказанной даже для житий святых. И разумеется, что тем бесспорнее и несомненнее нужно допустить факт записей под диктовку народно-поэтических произведений: «Задонщин», былин и песен.

Третье, что если даже такой строгий жанр, как жития святых, не избежал всасывания, конечно, случайного, элементов устно-поэтического творчества, значит фольклор в сознании этой демократической литературной братии всегда стоял «у порога», был хорошо знаком ей и привлекался при первой возможности. Выражения житий святых «близ дышущего моря», «на безбожнаго Момая» — это тексты те же, что и в «Слове о погибели» и «Задонщине». Но Некрасов дает более интересный текст «фантастического рассказа» из Жития Филиппа Ирапского, где фигурирует «крест Леванидов» наших былин, и, по моему мнению, самый рассказ представляет, кажется, своеобразную запись духовного стиха.⁸⁰ Некрасов указывает еще «рассказ о бегстве из татар-

⁷⁹ Не является ли указание «Задонщины» У «Снидемся, братия... составим слово к слову» прямым указанием на писание под диктовку?

⁸⁰ Привожу этот отрывок. Он находится в Житии преп. Филиппа Ирапского, составленном в начале XVI в. (ум. в 1527 г.), по списку XVII в.

Сье жадает преподобный Филипей
Рабъскии ис Соловецъково острова.
И пошел подле море взыскаючи себе места.

ского плена с изображением сочувствующей природы, что напоминает рассказ о возвращении Игоря в „Слове о полку Игореве“ (с. 156).

В-третьих, наконец, я в настоящей работе не претендую на решение *всех* вопросов, связанных с внешней судьбой «Слова о полку Игореве». Я смотрю на нее только как на начало этих решений в новом более соответствующем исторической правде направлении, и, пожалуй, новым, несколько более смелым, но оправдывающим себя методом. Для меня совершенно ясно, что настоящее и полное решение проблемы даже внешней судьбы «Слова о полку Игореве» придет позже, после полного исследования указанных мною путем по возможно большему числу списков: «Сказаний о Мамаевом побоище», Азовских повестей, былин старой записи, песенников и рукописных сборников с фольклорными ма-

---

И пришед к Выге реке.
И речеть Выге реке:
— Сотворю плот на тебе,
Куды меня дух Господень по тебе понесът
Туту хошу Христа умолити.
И садыясея преподабный Филип на плоте.
И емля ево тишина.
И несет его за Выг реку.
И сходя с плота своего с Выгы реки,
И пошел в гору, где ему ангел Господень
Исповедал и благовестил
Ко [Л]еванидову кресту
Над Лужаном озером.
Туту тебе исповедатся Христа умолити,
И створил пришествие ко Кресту и Леванидову.
И начас Христу молити под крестом Леванидовым,
По благовествованию ангела господня
И преклонь колени
И нача ся молити Христу.
И преидь на преподобнаго Филипа Ирабьсково мрак,
И явися ему аньгел господень
И рече ему: «Востани отче Филип Ирабьски,
Сподоблен тебе столп аньилы господни».
И явис ему Пречистая со ангелы господни
По благовествованию ангела господня
И возбудився от сна своего
И ужасен бы [сть] от видения
Пречистыя Владычицы нашея Богородицы
И веде его в столп пречистая Богородица
И поставлен быс крест Леванидов
Ангелы господни и невидима быс
И благовести ангелом господним с небеси
Не створи исхожденья и [с] столпа сего
После видения пречисты Владычицы нашея Богородицы.
Богу нашему слава
Ныне и присно и в веки веком амин.

И. Некрасов отметил в отрывке «поэтической оттенок и выражения, близкие к языку народному» (с. 50).

териалами, хранящихся неисследованными в наших рукописных книгохранилищах. Но ведь даже полного учета последних мы еще не имеем. Но мне думается, что как начало такого изучения примененный мною фольклорный метод подхода к памятникам древнерусской литературы, т. е. метод анализа с учетом комплекса явлений живого бытования (ритмики, исполнения, назначения), является плодотворным для «Слова о полку Игореве» и многообещающим для других аналогичных памятников.